

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2019 № 1 (11)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2019. No. 1(11)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2019. № 1(11)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-36-91
УДК 821.161.1

А.М. Ремизов

**«На вечерней заре». Глава из рукописи;
Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1923***

Комментарии *Е.Р. Обатниной*

Подготовка текста *Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной*

Аннотация: Публикуется очередная глава из рукописи А.М. Ремизова «На вечерней заре» (1943–1948), представляющая собой авторскую редакцию писем писателя к его жене С.П. Ремизовой-Довгелло 1923 г. Эпистолярный дискурс рукописи отражает обстоятельства периода, проведенного супругами в Берлине перед отъездом в Париж. Комментарии содержат дополнительный материал к биографии писателя, почерпнутый из архивных источников. В Приложении помещены подлинные письма Ремизова.

Ключевые слова: творческая биография, эпистолярный жанр, архивные материалы, эмиграция, русская диаспора.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lena.eo@mail.ru

Анна Сергеевна Урюпина, к.ф.н., хранитель Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (Государственный литературный музей). Москва, Россия. E-mail: urjupina_anja@mail.ru

Цитирование: *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1923 / Коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 36–91. DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-36-91.

---

* Публикация выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00035).

Глава из незавершенной А.М. Ремизовым рукописи «На вечерней заре»¹ публикуется по беловому автографу (Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея. Ф. 156. Оп. 2. №№ 299, 340) с сохранением авторской пунктуации и некоторых случаев авторской или дореволюционной орфографии. В Приложении представлены тексты оригинальных писем Ремизова к С.П. Ремизовой-Довгелло за 1923 г., при работе над рукописью в 1945–1948 гг. подвергшиеся редактированию. Письма были собраны Ремизовым в отдельную тетрадь, на страницы которой писатель подклеил пейзажные открытки, связанные с поездками, а также внес отдельные пояснительные надписи к хронологии 1923 г. Описание этих дополнений, а также фамилии лиц, упомянутых в оригиналах, приводятся в угловых скобках; авторские подчеркивания выделены курсивом.

Berlin 1923

6–7 января
bei Delion
Charlottenburg I
Kirchstr<asse> 2 II
<41>¹

Eingang ins Bodental²

Поздравляю с Рождеством.

Снег лежит, намело сугробы: едва добрался до почты и так блестит и снегохруст.

Твоя нянька Анисья бесприютная³.

Berlin 1923
10 марта
40 Märtyrer⁴
<24>

Только что собрался уходить, позвонили из «Бристоля»⁵: просят в 1/2 7-го. Ладно. Книги надписал.

[Насколько помню: это Г.М. Паскар, приехала из Москвы⁶.]

---

¹ См. предшествующие главы за 1921–1922 гг. (в двух частях): «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. / Вступ. заметка и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 7. С. 46–81; № 8. С. 8–67.

Ремизов А.М. Пасхальная открытка, адресованная С.П. Ремизовой-Довгелло.
8 апреля 1923 г. ГЛМ.

Berlin 1923

8 апреля

Berlin NW 23

Lessingstr<asse> 16

bei Diepow

<25>

Поздравляю тебя с Х<ристовым> В<оскресеньем>⁷! Это нянька тебе пишет Аниша.

Которая это Пасха, я уж и счет позабыл, а сколько впереди — не загадываю. [Еще 20 — †13 мая 1943.]⁸

Не может нянька больше своих книжков издавать, это ее беспокоит даже и на Пасху.

А это [заяц — открытка]⁹ кум нянькин: Кузьма Кумилин, служил в Севпросе курьером¹⁰, который за няньку и пишет.

— Herzliche Ostergrüsse!¹¹ —

Открытки: Werder. Wachtelburg¹².
Baumblüte in Werder¹³.
Blick auf die Havel¹⁴.

} Всё в вишневом цвету.

Berlin 1923

9 июля

понедельник

<25>

Kudowa in Schlesien¹⁵

Где-то ты теперь бродишь? Уж ночь скоро. Нашла ли себе пристанище? Что-то чувствуется мне, что трудно. Утешаю себя: первое время и в раю человеку трудно.

½ 11-го. А уж глаза на сон смотрят. Пью чай. Один. Утром звонил Кобелянский¹⁶. И сегодня к вечеру, как с тобой уговаривался, так всё и сделал: теперь из 5-и стало 4 раздельно и 800. [Это какой-то размен валюты, тогда трудно это было делать и опасно.]

Кобелянский советует ванны (билетики на ванны) брать на неделю. [Деньги с каждым днем падали, уж подходило к миллионам и бил<л>ионам] Спрашивает: есть ли в Кудове отделение банков — Дрезденского, Deutsches, Disconto, Kommerzprivat. Если есть, то проще всего деньги перевести через банк.

Заходил Лоллий-Балабол¹⁷. Удивительно, всегда отчет давай. «Ты уехала на неделю к знакомым», сказал я. Так полагается, но все-таки остался недоволен: на «куда»? я ничего не ответил. Принес от Гл<еба> П<етровича> Струве¹⁸ болгарский «Хиперион». Сейчас же я написал в редакцию выслать мне №. Гонорар там не полагается. (Всё как полагается!). В «Хиперионе» перевод моего «Слова Гераклита» («О судьбе огненной»). Напечатано не Гераклит, а *Демокрит*¹⁹, а подпись *Сергей* Ремизов²⁰.

Да, куда надо отнести корзиночку из-под ягод? На Flensbourgerstr<asse>?

Frau Karos обегала всю нашу Lessingstr<asse>²¹ — «не наша», говорят.

Нафталину купил, пересыпал. Шкап заклеен, а другие вещи в картонку.

Письма: тебе от Любви Исаак<овны> Красильщик (Трапезниковой [Москва]²²) — получила ли ты ее открытку от 16.IV? (получила от 22.VI); о Клавдии Никол<аевне>²³ и Андрее Белом, просит уничтожить страницу о них, не понимаю — не разбираюсь, в чем дело; две травки с могилы Софьи Яковлевны (Красильщик); в Москве жарко; М.М. Шкапская уехала²⁴; Елиз<авета> Ивановна [петербургская антропософка, стихи в Аполлоне, под испанским псевдонимом, что-то вроде Даниель де Габриак²⁵, жена «индейца» Лемана²⁶] все-таки достанет рукопись (это Тышка?), не желаешь ли, чтобы эта рукопись хранилась у Люб<ови> Ис<ааковны>²⁷?

Мне: от Закатимова (Петербург)²⁸. Попрошу его разыскать «Иуду» и «Бесовское действо» изд<ательства> ТЕО²⁹;

от Алданова, что во вторник пришлют деньги («Голос России») ³⁰. Я передал Бахраху [Ал<ександр> Вас<ильевич> Бахрах — критик «Голоса России»]³¹, чтобы деньги не присылали.

от Уманского (Вена)³² и утром и вечером. И оба «беспредметные»: пространные рассуждения о переводах.

от R. Kaiser'a (Берлин). S. Fischer будет издавать «В поле блакитном» («Оля», I ч<асть>)³³, просит для “Neue Rundschau” рассказ. Завтра позвоню К. Розенберг³⁴, и “sofort”³⁵ повидаться с Lörke³⁶. Завтра пойду к ним в редакцию.

Вернешься, то-то чтения будет — на часы!

Тороплюсь, а выходит всё медленно, переписываю рассказ для Шкловского³⁷. И больше ничего не делал. Уж завтра придется сидеть.

“Kohlen”-ы (угольные брекеты)³⁸ завтра привезут — 10 центнеров à 30000 М<арок> + à 1000 М<арок> = 310.000 М<арок> — в 3-и приема.

Вот, такие пустяки, а писал я ровно час. До чего у меня всё медленно!

Утром видел, как перед нашими окнами автомобиль наехал на старуху. Я видел в ту минуту, когда автомобиль затормозил, а из-под колес крикнуло десять горл. Пришлось по ногам. Но видно, не крепко или старуха гугаперчивая, она поднялась, одернула юбку и пошла: соседка, дом напротив. И как странно, я так плохо вижу и все-таки для меня не близко, когда она кричала всеми горлами, я видел отчетливо ее лицо — зеленое с черными губами: очень испугалась. Она дошла до своих дверей, и тут ее под руку взяли. Дети плакали, тоже испугались. Видно, бабушка и внучаты.

Ну, пора. Купайся в куповских ваннах.

Berlin 1923

10 июля

<26>

Видел во сне Распутина³⁹. [Помнишь, мы с ним ехали в одном купе от Ив<анова>-Разумника⁴⁰ из Царского села, я лицо его хорошо помню.] Он сидел, как в вагоне, у окна, понурившись, потом вытащил из кармана большую морковь, откусил, и, ощерившись, подает мне. «Мы с тобой, сказал он, будем морковные братья!» И слышу, стучат. Я вскочил — ночь — и попал в комнату нашего хозяина Dierow'a — под нами. Но в прихожую — в нашу — не попасть, заперто. Вернулся в комнату, а какой-то в форме путейского инженера, высокий, худой, около электрической лампы что-то смотрит. И ты около стоишь. И всё

у нас перевернуто: ночь, мы спали. «В чем дело?» — спрашиваю. А он, как дурак: «электричество проверяю».

+½ 12-го ночи

Ключу носом. Еще немножко и спать: завтра надо рано.

Опять Лоллий-Балтагон. А мне к Fischer'y⁴¹. Видел Lörke. Там встретил К. Розенберг. Говорили о переводах и о моем непереводаемом.

От Fischer'a к Кирхнеру («Парус»)⁴²: Плетнев⁴³ болен — и о «Бесовском действе» не пришлось⁴⁴.

Встретил П.П. Муратова⁴⁵. Говорил он мне об актере Завадском, из Москвы⁴⁶, пойдет к нам для разговора о «Иуде» (Трагедия)⁴⁷. Вот, кому я не верю — в разговоры с актерами. Никогда еще не получалось ничего, кроме разговоров.

В “KDW” купил линованную бумагу и конверты⁴⁸. Встретил Левенсона («Огоньки»). Попросил его послать «В поле блакитном» скоро всё разойдется⁴⁹. «Когда надо», он даст экземпляры. Канул Левенсон, навстречу Бахрах. «Что такое?» — «Да Заблудовская не хочет мне “Окна” давать!» — и чуть не плачет. Нашел сокровище: «Окна!» — да этих «Окон» в Париже, наверно, горы⁵⁰. Купил сигар — дополнить пачку.

И сел переписывать: завтра Шкловский. «Миловато» у меня вышло. А я боюсь «сантиментов».

Поздно вечером Шершун <sic!>⁵¹. Он всё чего-то будто ртом ловит, хотя губы сжаты и носом вверх.

Письмо от Л.И. Шестова⁵² (Париж): «Завитушку» не берут ни «Звено», ни «Современные записки». А ему нравится. Рукопись привезет⁵³. На днях будет в Берлине.

Боюсь проспать. Это оттого, что много ходил, так смертельно устал.

Из газет: о острове Sylt, рядом с Föhr'ом⁵⁴.

Глаза закрываются. Сквозь сон: напомни, расскажу, это случилось около Bellevue⁵⁵ в табачном магазине: хозяин, вроде Левенсона, застрял между прилавком и выходом.

Я видел, как распиливали прилавок, чтобы освободить попавшегося в капкан. Сколько жалости было в его лице. Оказывается, защемился он еще с вечера, а обнаружен только утром: какой-то покупатель заявил в полицию («ревир?»)⁵⁶.

Ну как-то ты там. И жарко ж, наверное!

11 июля

Едва проснулся. С 6-и у<тра> на ногах. А в Wohnungsamt'e не удалось⁵⁷. До пятницы.

Письмо от Уманского: всё о предполагаемых переводах.

Berlin 1923

11 июля

<27>

Вечером напишу подробно.

Твое письмо получил от 10-го VII. Получил гонорар через В. Шкловского за «Птичку» («Новый огонек»)⁵⁸. Взяли только один этот рассказ. «Сны» у них — на «обсуждении»⁵⁹.

Мне сказали, что так лучше посылать деньги письмом. Посылаю 800.000 М<арок>. Это всё, что получил за 400 строчек (14 à 50 = 700.000 + 5 à 20 = 100.000).

Лечись. Я тут всё устрою, не беспокойся.

На письмо от 10.VII, получ<енное> 11.VII.

Послал тебе 800.000 М<арок> — гонорар через В. Шкловского из «Нового огонька» за «Птичку» (про Мильду) — за 400 печатных строк.

Был в редакции на Bambergerstr<asse> 39 и оставил 20 снов — ½ листа. Ответили, что «будут думать»⁶⁰. Это плохо. И беда дальше: не знаю, куда поместить «Завитушку» — куда? — куда? — спрашиваю себя по-куриному. В «Волю России»⁶¹? Хоть бы Лисевна [Ольга Елисеевна Чернова⁶²]... Впрочем, ей и самой не приткнуться и выходит, как от козла молока.

Хотел тебе деньги послать “Wertbrief”⁶³, но сказали, что так в Кудову вернее.

Чехо-словак не явился, а был Бакша [о судьбе его ничего не знаю, а он жил в Лондоне]⁶⁴, принес книгу, завтра уезжает и надолго в Париж. Всё-то мы в Париж провожаем: Шершуна <sic!>⁶⁵, Олю-Наташу⁶⁶ и вот Бакшу. Клялся и божился татарскими словами, что будет писать, принес хабар: хороших сигар.

Сейчас 12-ь <часов>, а я ничего, а оттого, что завтра — никуда, а вот в пятницу — Wohnungsamt.

Заходил Лоллий-Балтимор (всё от слова «болтать»), ему передал И.С. Лукаш⁶⁷, что 20-го деньги получу из Праги.

Окна открываю по заходе солнца. А то пыль и шум. Frau Karos вымыла подоконники. О корзиночке напиши, куда ее отдать.

Представляю твою дорогу. Беда это, когда дурак наумничает. Наверное, в Кудове есть церковь, непременно пройди. Если увидишь, что есть польза, потерпи уж. Знаю, «потерпи» легко говорить и бессовестно.

Жара злющая, но я не замечаю, и только вижу, как мытарятся, ожаренные.

Посылаю тебе вырезку о штанах и описание наружности Ленина⁶⁸. Сохрани.

До свидания. Пиши, как-что.

Аронштам А. Портрет А.М. Ремизова. Берлин, 14 июля 1923. Фотокопия, присланная Ремизову художником 7 мая 1924 г. Музей ИРЛИ.

Berlin 1923

<28>

От Забдудовской (Париж): посылает еще экземпляр «Окна». То-то Бахрах обрадуется⁶⁹!

Во сне Плевицкая⁷⁰ — с бородой.

Счет за газ — 44.400 М<арок> и телефон — 1.800 М<арок>. 5 центнеров угля принесли. Frau Karos пойдет искать, где бы еще найти. Обманывают (Обещали 10).

Послал деньги в Finanzamt⁷¹, вернулись: как и в прошлом году чего-то неправильно написал; дознались, конечно.

Сделал я «героический» шаг и размяк. Отдал я З.И. Гржебину «Розановы письма»⁷² — 3000 экз<емпляров> и получил 40

«Диповских» — на 4 месяца обеспечено наше житие с Drogeri<e>⁷³. [Д<олжно> б<ыть> 40 — это 40 долларов, помню платили валютой]. А «Скифы» давали 10-ь⁷⁴.

Гржебину я ничего не сказал, где ты. У него было два сердечных припадка, в среду он уезжает. И что мне понравилось: Гржебин, не читая, взял, а в «Скифах» было б непременно обсуждение.

Приходил Аронштам <sic!>⁷⁵. Еще раз в субботу и кончит мой портрет (карандашом). Это для «Нового огонька»⁷⁶. Представь себе, в редакции встретил Вырубова — это который «Иуду» взял и пропал⁷⁷. И как будто ничего. Хоть бы извинился, дурак.

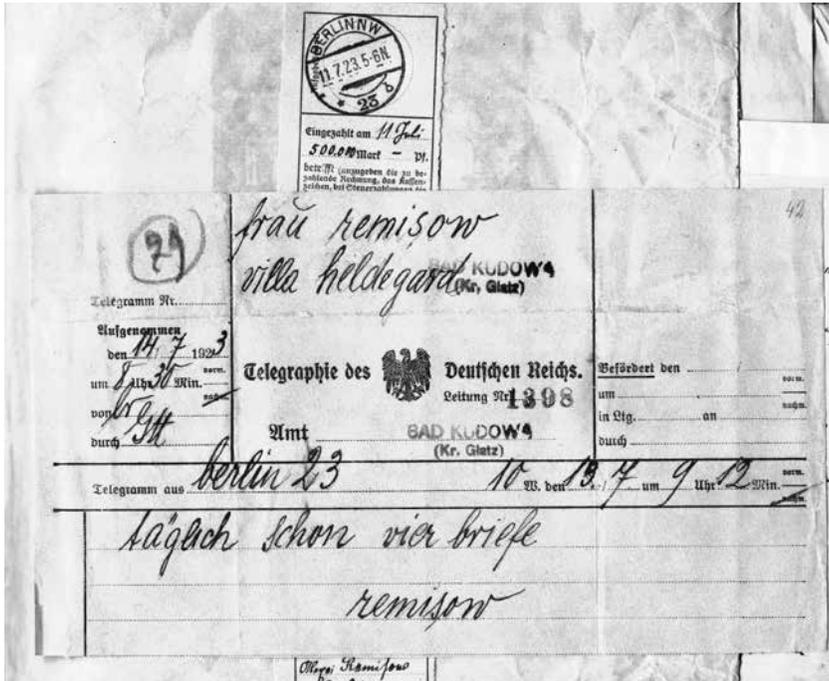
Чернила расплываются. Это от жары.

Вот уж несколько дней, как под окном — это ребяташки, которым видны мои звери и всякие Geist'ы⁷⁸:

Herr Remi — zow
Herr Remi — zow⁷⁹

Принесли твою телеграмму. Не напутали ли, как и во всем, адрес. Каждый день пишу: Kudowa — Sackisch, Schlesien, postlagernd, а теперь Villa Hildegard. Может быть, надо просто: Bad Kudowa?

Теперь-то ты должна получить. Не беспокойся.

Ремизов А.М. Телеграмма С.П. Ремизовой-Довгелло. 14 июля 1923 г.
Ежедневные четыре буквы (нем.). ОРФ ГЛМ.

Berlin 1923
13 июля
<29>

Самый жаркий день + 34 R. И меня проняло. И только сейчас 11 ч<а-в> в<вечера> стало, чем дышать. Утром послал тебе телеграмму. Видел, как написали не “Sackisch”, а что-то вроде “Kristlich”. Меня больше всего смущает, что адреса путно не знаю. На карте Kudow’у нашел.

Письма: от Алданова — дам ли я чего-нибудь в «Дни»⁸⁰?

От Лутохина: о своей жизни в Праге⁸¹ и что книг, какие я ему предлагаю, ему не надо, а он напишет, какие.

Звонила Нина Григорьевна Львова⁸² [La Nonne — vierge et martyre]⁸³.

Был Я.С. Шрейбер⁸⁴ и Люб<овь> Як<овлевна> Яппу [Залкинд]⁸⁵, принесла тебе немного русского серебра (15 и 10 и 20). Прощался Н.Н. Никитин, возвращается в Москву⁸⁶. Заходил с ним к Блоху Я.Н.⁸⁷ Вчера он был у нас с Никитиным, принес много книг — все к тебе на стол кладу, и Кузмина он достанет с автографом, только не «Сети»⁸⁸. Подробно объяснял всё сначала о Соколовском⁸⁹.

Удалось достать *без карточек*⁹⁰ 5 центнеров угля. Всего у нас по подсчету Fr. Karos — 15-ть. Был у переплетчика: за 2 книги взял с меня 40000 M<арок>⁹¹ [а в Париже за 2-ж — 600 fr. — в феврале 1948].

Шум почему-то, никогда такого не было. Говорить — не слышно, слушаешь — не слышать.

Лоллий узнал только от А. Бормана⁹², что ничего не продал, а книги оставил в Праге: их разыграют. А когда розыгрыш, про то он не спросил. Свинство — свинство — свинство. Я уверен, что никогда, а книги пропадут.

Из Вены Arbeiter Zeitung с моим “Das Wunder” [«Заборы» из «Взвихр<енной> Руси»]⁹³.

“Darf hier geraucht werden?” (можно ли здесь курить).

Я заметил, что немцы любят *страдательный* залог⁹⁴, а по *жестокости*, я тебе писал из Цербста, о «бичевании», перешагнули всякое воображение⁹⁵.

Пью молоко. Kaiser<y> написал⁹⁶.

Как подумая, как-то ты одна и со всякими путаницами. Денег я тебе пришлю. Хоть бы скорее ответ из «Огонька». А как подумаешь о «Завитушке», — а что если в «Дни»? Или не стоит? Рукопись у Шестова.

Телеграмма: Täglich schon vier Briefe⁹⁷.

Berlin 1923

14 июля

12 ч<асов> н<очи>

<30>

Этот несчастный Балабол-Лоллий⁹⁸ меня терроризировал: явился в 8 ч<асов> утра, и меня сбил со всяких мыслей, и всё перепутал. Только к вечеру я очнулся — просто никак не мог сообразиться, точно потерял что-то и ищу. Вечером он был и Нина Григорьевна [La Nonne vierge et martyre]. И я сказал об этом, но не обидно нисколько, хотя весь день кипело. А может, дураку надо начисто?

Вчера Я.С. Шрейбер поправил электричество и свет светит — писать могу.

Был чехо-словак⁹⁹, потом А.А. <sic!> Смирнов¹⁰⁰ с Н.В. Зарецким¹⁰¹. Сердился на всех, отравленный Лоллием. И такой шум. С закрытыми окнами приходится весь день — почему-то и трамвай и машина стучат немилосердно.

Из газет: назначен новый начальник Fremdenamt'a, будто бы русским будет легче. Трамвай с понедельника — 3.000 М<арок>; хлеб — 21.000 М<арок>, молоко — 4.000 <марок> с чем-то.

Письмо тебе от М.М. Шкапской: Феодосия, Коктебель, Волошину¹⁰².

Аронштамт кончил портрет. Обещал поговорить в «Огоньке» еще об одном моем рассказе и чтобы та же цена. Чехо-словака просил о бисере. Обещает.

Очень пыльно, и пёкло — ты бы тут измучилась. Хочу остричься под машинку № 0-0. Скоро неделя, как ты уехала, мало я так сделал, а хочу к твоему приезду, чтобы подольше и чтобы побольше денег. Мешают.

По воскресеньям почта закрыта, а письмо я опущу все-таки.

15 июля

Получил твое письмо от 13.VII.

Звонил Борис Каган¹⁰³, что дня через 3 ты приедешь. Боюсь, в Elster'e сейчас много народу¹⁰⁴. Поезди по окрестностям. О деньгах не беспокойся.

Berlin 1923

15 июля

<31>

Весь день тихо. Никого. Жарища — +35 R. Окна закрыты — пыль летит. К вечеру гроза. С ужасающим ветром — деревья гнулись.

Разбирал рукописи — «Парижский клад» («Рос<сия> в письменах», II т<ом>). Позавчера встретил Бахраха, он говорил Ходасевичу и надо подать — для «Беседы»¹⁰⁵.

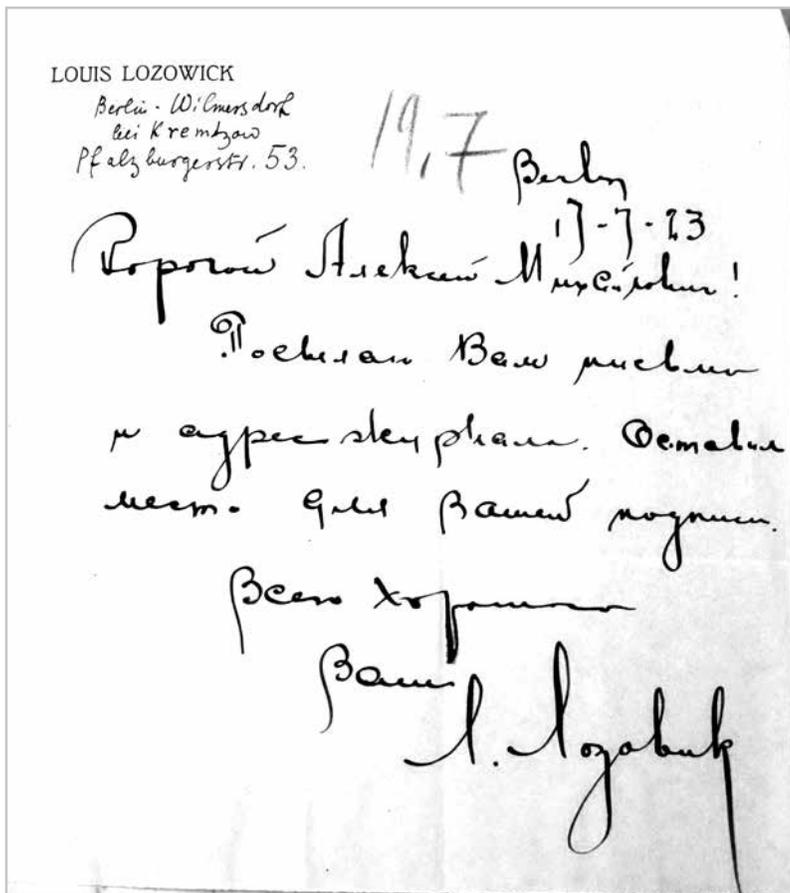
Звонила Лисевна (О.Е. Чернова): от Оли-Наташи нет никаких известий¹⁰⁶. Назначил ей во вторник. Про тебя ничего не сказал, что ты уехала.

Какая досада, что у меня нет рукописи «Завитушки». Сейчас тут Лебедев Вл<адимир> Ив<анович>, ему можно было бы предложить для «Воли России»¹⁰⁷. У меня есть экземпляр, только неразборчиво. А переписывать никак невозможно. Досадую.

Борис Каган сказал, что приедешь в 11 ч<асов> в<ечера>. Как ты справишься одна? За автомобиль увеличено в 25 000 раз. Если бы ты меня точно известила! Я как бы нибудь снес твой чемодан.

Завтра все-таки хочу приняться за «Временник» («Взвих<ренная> Русь»)¹⁰⁸. Боюсь и то упустить и это не кончить. Прямо беда. На всё надо время — время-время!

Скоро домой.

Лозовик Л. Письмо А. Ремизову. 17 июля 1923 г. Amherst.

Berlin 1923

16 июля

12 ч<асов> н<очи>

<32>

День начался сердито.

Звонил Амфитеатров (Кадашев)¹⁰⁹: в «Грани» рукописи мои передал¹¹⁰, а о гонораре я сам должен позвонить “Zentrum”. Я наговорил ему

жестоких слов — “Zentrum”, где Соломон Каплун, никогда не дозволишься¹¹¹. Обещал сказать, чтобы мне прислали — без разговора.

Звонила Анна Евгеньевна Келлер¹¹²: предлагает идти с ней в театр в субботу.

Звонил Я.С. Шрейбер: не приду ли к ним обедать?

Звонил Лоллий: где заложить шубу Нины Григорьевны [La Nonne vierge et martyre].

Звонил Н.Н. Никитин: «окончательно» уезжает завтра, просит прийти на проводы в кабак.

Приходил переводчик на английский. [Фамилию не помню.] Он узнал, что «Белое сердце» [«Шумы города», потом во «Взвих<ренной> Руси»] напечатано в “The Dial”, лучший американский журнал, в прошлом году (1922).

Обещал написать письмо в редакцию, а я подпишусь. Он не уверен, что получу гонорар — много времени прошло — а экземпляры пришлют. Этот переводчик ничего из моего не читал. А пишет он в английских и американских журналах о русской литературе¹¹³! Это он тогда Пильняка перевел¹¹⁴, помнишь, я еще «Лиры» получил от Элиасберга¹¹⁵? Чудные дела совершаются на белом свете! Дал я ему книгу, обещает перевести. А направил его ко мне Шаршун¹¹⁶.

Вечером приходил Лоллий-Блатоболь <sic> и Нина Григорьевна [La Nonne vierge et martyre]. Проверяли петровские документы «Парижский клад»¹¹⁷. [Напечатано в «Беседе». Должно войти в «Рос<сию> в письменах», II т<ом>; а самые документы — 62 — в оккупацию продал Льву Соломоновичу Поляку, а Поляка в январе 1943 «департировали», и он не вернулся¹¹⁸.]

В кабак я не пошел. Очень уж там нехорошо, это «черносотенный», всего ожидать можно. Да и не хочется: простился я с ним (Никитиным). Довольно. А ему там морду набьют, я уверен.

Прибрал твою комнату. Книги.

Постучалась какая-то девочка:

«Не продаю ли я игрушки?»

«Нет, говорю, не продаю и не покупаю!»

И подарил ей “Pferdchen” — лошадку. Жду теперь, еще кто-нибудь явится за «коровкой»¹¹⁹.

В среду Frau Karos еще достанет “Kohlen’ov” (уголь). Это моя первая забота: надо *добывать*, так в руки не дастся.

Письма: от Бакши (Баден-Баден), едет в Париж¹²⁰. Жалко мне этого Бакшу, киркизского колдуна, наговорили на него невесть что. От Лутохина (Прага), что вышел “Rûbnik” («Пруд»)¹²¹ <i> от Л.Ю. Бердяевой¹²².

Какой сегодня день изсердитый!

Уж 4/17-го июля — твое рождение, позд<р>авляю!
Рано встаю.

Ostseebad Brunshaupten in Mecklenburg¹²³

Berlin 1923

24 июля

Dienstag

<33>

56-м очень хорошо. И знаю, где останавливается, когда подходит (Трамвай). И очень скоро. Не заметил, и дома. Под дождем пробежался.

В “Das Tagebuch” моя “Die hungrige Weise” («Голодная песня» — из «Шумов города», потом во «Взвихр<енной> Руси») ¹²⁴. И 20 000 М<а-рок> за «Находку» («Шумы города» — «Взвихр<енная> Русь») от Е.Г. Розенберг.

Звонил Исаак Яковл<евич> Каган и тебе письмо от Вер<ы> Вас<ильевны> Каган¹²⁵: как доехала?

Прибрал комнату, порядок навел везде. Приходил не-во-время Лоллий. Повторяет, дурак: «недомыслие», а хоть бы сам хоть бы раз подумал до конца. Звонил Л.И. Шестов.

Письмо от Сергея Яковл<евича> Осипова [бухгалтер в Берлинском Торгпредстве] (Петроград)¹²⁶. Через неделю, 1 ½-ы будет в Берлине. Спрашивает, как посылать из Петербурга? Больше 2-х фунтов не разрешают. Надо сообразить, что нужнее. Обо всем этом он хочет поговорить с новым начальником и «подумать» при свидании. Рукописи, конечно, можно пока и не брать. По-моему, прежде всего книги, которых нету¹²⁷. Если бы знать, что именно Татьяна Николаевна [Гиппиус] дала туда [?] ¹²⁸.

Очень я устал. Пишу вслух.

Позвонил Шестов: просит прийти. Через силу, а пошел. Читал ему из «Рос<сии> в письменах» — «петровское». Ему понравилось, но он боится, что в «Современ<ных> Записках» не И.И. Фондаминский, а М. Вишняк¹²⁹, не наш¹³⁰, а «дядя нашему»¹³¹, не пропустит. М.Е. Э<й>тингон¹³² подарил мне Экклезиаста по-немецки. И Шестов, и Э<й>тингон проводили меня до дому¹³³.

Шестов советует послать в «Звено» — о «попе Иване» из «Розановых писем»¹³⁴. Если примет «Воля России», то это не помешает напечатать в «Звене» отрывок. Так он думает. Не знаю, как поступить, или подождать ответа из «Воли России»?

Если устроишься, хоть как-нибудь с купанием, купайся, не беспокойся. И скорее напиши адрес. Не люблю писать на кого-то.

Berlin 1923

25 июля

<34>

Тихий день. Дождик и холодно. Как-то ты там?

Туфли твои вычищены, стоят. Обещала Лисевна [О.Е. Чернова] зайти, и не зашла. Если она действительно поедет, может, с ней послать?

Г.П. Струве принес оттиски «Плачужной канавы» («Рус<ская> мысль»)¹³⁵. 225 «папаушек» [чешских крон]¹³⁶. Завтра едет в Harz¹³⁷ до 10-го VIII. Сейчас везде полно и дорого. Кофий — 27.000 М<арок>. С 15-го и народу убавится и подешевеет. Он оставил свой адрес. Гар<ольд> Вас<ильевич> Вильямс и Ар<иадна> Вл<адимировна> Тыркова приедут в сентябре. (100 долларов сегодня 600.000 М<арок>!)¹³⁸. Заплатил за телефон разницу — 28.500 М<арок>.

Прочитал Томаса Манна “Tonio Kröger”¹³⁹ — автобиографический рассказ! С глубоким сердцем написан.

Гертруда Hahn о “Die golden Kette”, будто бы Pflüger Verlag мне заплатит «5% по коэффициенту»¹⁴⁰. А что это значит, не знаю. И не очень-то верю, что книга выйдет скоро. [Когда вышла книга, и я получил этот «коэффициент», помню, мне хватило на билет в «унтергрунде» (мэтро), но только — «туда», а на «обратно» пришлось брать из других «коэффициентов».]

Если бы, как сегодня Струве, и всё бы так, не больше 10-и минут, сколько бы можно было дел переделать!

Лоллий — — но я всегда раздражаюсь: его необыкновенная шумливость и рассказы из прочитанных газет.

Нам надо переделать наше время. Побольше молчать и уж самой собой не «спорить». И что тебе так легко дается, слушать и не слышать, слушая продолжение своих мыслей.

А дождик-то, дождик — не осенний, а большой — июльский.

26 июля

Письмо от М.К. Гржебиной¹⁴¹: bei Dурow. И la Revue de Genève еще один экз<емпляр> № с «Бесовским действием»¹⁴². Предзнаменование сомнительное: должно быть, денег не пришлют.

Berlin 1923

26 июля

<35>

Твое письмо от 25.VII.

Был Н.В. Зарецкий и А.А. Смирнов и Балабол-Лоллий. Зарецкий упаковал и завтра же отправлю тебе твою желтую кофточку. Смирнов принес немного сахара. Пили чай с сахаром, Зарецкий рисовал, но что вышло, не

*Железнодорожные билеты Ремизовых,
выехавших из Берлина в Париж через Кельн.
5 ноября 1923 г. Amherst.*

знаю, не показывает: должно быть, кофточка вместо меня, уж очень он восхищался ее цветом: «кинарочный — лимонный!», рисуя, повторял он.

Приходил Шрейдер («Скифы»). Предполагается издание по-чешски «Плачужной канавы»: 300 крон (папаушек) за лист — 32.000 знаков. [Никогда не вышло, только поговорили.] Издание чешских социалистов. Убеждаю Шрейдера потребовать гонорар вперед сейчас же. Сегодня 100 долларов — наши 750.000 М<арок>, вот и поди тут, изворачивайся. Шрейдер позвонит в понедельник¹⁴³.

Зарецкий принес тебе для коллекции много всяких миллионных и биллионных бумажек. А обезьяньи деньги всё считаются на «лионы» и выше стоят американских, одно горе, в человеческом обращении они «не ходят»¹⁴⁴.

Ходил к Шестову со Шрейдером¹⁴⁵.

То, что ты пишешь, всё это я чуял. Не верю, не верю я. Это что-то такое путанное и безглазое. И не от злого сердца, а таким зародится чело<век> растерянным путаником. Так, должно быть, и в революционных делах провалы бывали не от шпионов и провокаторов, а от этой «смятки».

Боюсь, с паспортом («Ausweis») не успеть до 4 августа¹⁴⁶. Подать прошение можно только 1-го. Я напишу, когда надо выслать твой желтый.

Холодно и тут, всего + 10 °R.

О Париже я еще не говорил Шестову.

Кофточку наденешь, согреешься, и легче станет.

27 июля

Такой ударил дождь, придется подождать.

Твое письмо от 26.VII.

На сколько времени сговорилась там, поживи, и приезжай. И окончательно решим: может, вернее к Möller'y¹⁴⁷. В пансионах кофе — 27.000 М<арок>. В субботу поговорю со Смирновым. И напишем В.В. Каган. Лундбергские хвосты едут в Brunshaupten¹⁴⁸.

Тебе письмо от З.Н. Гиппиус (Париж), моего Розанова она не читала¹⁴⁹.

От Уманского (Вена): всё о предполагаемых переводах¹⁵⁰.

От Hörner'a: «Траву-мураву» не может¹⁵¹.

Berlin 1923

27 июля

<36>

Лоллий «смущен духом», но это на язык не действует: стало быть, «говорильню» ничем не угомонишь. Да, надо как-то по-другому. Лукаша он не только не любит, а «просто ненавижу!». Очень он разочаровался в берлинских «политиках» — «спасителях России».

Приходила Лисевна [О.Е. Чернова]. Я ей всё сказал о путанице. Дал ей для тебя желтые ботинки.

А утро было остервенелое: упаковщики эти вчерашние, Зарецкий со Смирновым, клялись и божились, что посылка так сделана, я поверил, да еще и хвалил их, а оказалось, совсем не так, пришлось всё переделывать. Горе мое, что не умею припечатывать. А тут дождь еще.

Посылку в конце концов удалось послать, и я успокоился.

Завтра придут «дураки», и я со Смирновым (конечно, о «посылке», это прежде всего), переговорю о Möller'e, чтобы он при мне письмо написал. Вчера они поссорились. Зарецкий назвал Смирнова «мышинный жеребчик»¹⁵², а Смирнов сдуру обиделся: ведь, Смирнову и 30-и то нет!

С утра надел фуфайку, а сейчас и в платке.

Купил небольшой белый хлеб — 10.000 М<арок>!

А какой ты неосторожный, по письму сужу.

От Гертруды Hahn из Мюнхена книгу, посылал ей для перевода, — должно быть, Weltpassionen скоро действи<тельно> выйдут¹⁵³.

Frau Karos подарила мне пепельницу: чтобы на моем столе всегда стояла — от Frau Karos. Хорошо?

Извести, когда приедешь. Можно на вокзале пройти, чтобы устроить с вещами: на автомобиле «коэффициент» 40.000 М<арок>.

Долго ли <будет?> такое продолжаться? Картофелю нет. А это для немцев почище хлеба.

До 15 августа везде будет тесно и людно.

28 июля

Твое письмо от 26.VII. Ты пишешь, приедешь во вторник. Напиши, может, ванну сделать, или устанешь и лучше в среду. Америка — 952.000 М<арок>.¹⁵⁴ В воскресенье почту не вынимают. Ну, ничего, опушу.

Berlin 1923

28 июля

Sonnabend

<37>

Не знаю, как лучше поступить: ехать ли мне на вокзал и только послать Frau Karos, а мне дежурить дома и всё приготовить, чтобы сразу тебе и чаю выпить.

Письмо от Элиасберга: попросить Горького о переводе¹⁵⁵.

Опять тепло, слава Богу.

Был Лоллий¹⁵⁶, Зарецкий, Станюкович¹⁵⁷ с женой [старообрядческая «красавица», федосеевского толку, знал ее мать — Лидию Токареву, племянница Дениса Девилина <sic!>, Таганка, Каменщики¹⁵⁸.]

А Смирнов уехал.

Зарецкий напишет в Suderode (Anhalter)¹⁵⁹, у него там знакомые.

Не знаю, как всё обернется. Очень уж хвостов много¹⁶⁰ и очень ссорятся. Люди осердились. Какой крик был против нашего дома: портье с хозяином ругались. Американский вечером уж 1 000.000!

Опущу сейчас письмо, боюсь, завтра не вынут, и пролежит в ящике целый день.

Звонил Шестов, приглашает к Э<й>тингону посидеть. Я пошел. Говорил с ним о Париже — другого выхода нет: или в Россию, или в Париж.

Обожравшиеся богачи, для которых надо, чтобы человек умирал с голоду, тогда для успокоения своей души они дадут денег ровно столько, сколько надо, чтобы не помереть.

Если бы воля (а не наше подневольное рабство) просто расплеваться с ними со всеми, и с «Окном».

Один без тебя я в Париж не поеду, даже если бы надо было, всё равно¹⁶¹. Шестов понимает. Это, как вот ему долбят, чтобы его дети не продолжали учиться, а служили б.

Berlin 1923

29 июля

<38>

Тебе письмо из Парижа от Оли и Наташи¹⁶².

Мне от К. Розенберг и гонорар: за «Жизнь бессмертeln<у>ю» [«Шум города»] и «Голодную песню» («Шумы города». «Взвих<ренная> Русь»)¹⁶³ — 250.000 М<арок> + 30.000 М<арок> = 280.000 М<арок>.

«Сполохи» старый №¹⁶⁴ и “Prager Presse” с «Пупочком»¹⁶⁵ («Вереница», не издано)¹⁶⁶.

Утром бегал на почту. Дожди-ик! — пришлось по-осеннему в калошах.

Много думал после вчерашнего разговора с Л.И. Шестовым о парижских благотворителях.

Приходил Лоллий и Нина Григорьевна¹⁶⁷ (La Nonne vierge et martyre). Под сердиную <sic!> руку.

Вечером позвонил Шестов. Скучно ему одному у Э<й>тингона. Пошел. И опять продолжал разговор о Париже. Как быть, чтобы не быть в зависимости от Парижа? Ответ один: Россия. Шестов не произносит этого слова, но я-то понимаю. Не могу я никак успокоиться, так меня это ударило — эта сытая жестокость и «наплевать».

Шестов и Э<й>тингон провожали до дому. Спрашивал о Föhr'e¹⁶⁸, очень хвалят.

Здесь все спокойн<о>. А что было в Потсдаме, неизвестно. И чем начнется завтра, трудно сказать, но дальше так не может продолжаться¹⁶⁹.

Завтра Шрейдер должен говорить с чехо-словаком об издании «Плачужной канавы»¹⁷⁰.

Berlin 1923

30 июля

<39>

Письма: от Познера С<оломона> Вл<адимировича> (Париж)¹⁷¹, от Слонима М.Л. (Прага)¹⁷²; «Хиперион» из Софии¹⁷³. Твое письмо и открытка.

Пасмурный день, мой любимый. Тихо. Только очень бедно. Из окна видно эту бедноту. И в лавках пусто.

Frau Karos я всё растолковал о вторнике — как тебя встретить.

Спозаранку Я.С. Шрейбер, потом Нина Григорьевна (La Nonne vierge et martyre). Лоллий у Аксенова, который прописал ему крэзот¹⁷⁴. Длинные разговоры с вопросами: так? — и надо непременно продолжать: «так».

Когда шел за табаком, проходил через великие хвосты: товару нет или так мало, изволь, хвосты.

Все мне надоели — все не во-время.

Трамвай — 8.000 М<арок>; хлеб — 50.000 М<арок>.

Как-то всё это кончится!

Вечером позвонил Э<й>тингон. Давно уж я не ел таких котлет. Провожали меня до дому и Шестов, и Э<й>тингон. Достал книгу: «Himmelsstrassen»¹⁷⁵.

Berlin 1923

31 июля

<40>

Тебе письмо от Лид<ии> Ю<дифовны> Бердяевой. Мне из «Хипериона» (София)¹⁷⁶. 3 экз<емпляра> «В поле блакитном» («Огоньки», 2 издание)¹⁷⁷.

Пасмурный день дешевого тарифа.

Был Глеб Алексеев, свою книжку принес¹⁷⁸, и Бахрах — книжку о вышивках.

<№ 41 см. с. 000>

Berlin 1923

11 августа / 29.VII

<42>

Поздравляю!

По бедности моей и робости только это и могу тебе поднести (Почтовая марка 150 М<арок> штемпелеванная).

Berlin 1923

7 сентября

½ 3-го

За брикеты (уголь) отдал 10.000.000 М<арок>. Хозяйка, у которой покупали, приходила в 1 ч<ас>. Я ей сказал, что жду. Она зайдет, и ей нужно отдать 10.815.000 М<арок>.

Посылка от Scholtz'a¹⁷⁹: белые сливы и 12 штук яиц. От Аничкова¹⁸⁰ — сербский журнал с моим «Лисом преподобным» («Шумы города»)¹⁸¹.

Звонил Е.Г. Лундберг¹⁸², еще позвонит. Звонил С.Г. Каплун («Эпоха») о рукописи и деньгах¹⁸³. Из конторы Гржебина о корректуре¹⁸⁴.

Мне надо идти, а то опоздаю везде: всем обещал к 2-м, а сейчас ½ 3-го.

КОНЕЦ БЕРЛИНА

¹ Здесь и далее в угловых скобках приводится авторская нумерация писем, проставленная карандашом.

² Букв.: Вход в долину (*нем.*). Письмо на открытке с видом местности: Eingang ins Bodental.

³ Вымышленный образ прислуги, который Ремизов ассоциировал с собой, отделяя свою творческую жизнь от бытовой.

⁴ Христианский праздник 40 мучеников Севастийских, отмечается 10 марта (ст. ст.) Католической и Евангелической церквями, 9 марта — Православной.

⁵ Отель “Bristol”, построенный в 1891 г., располагается на Унтер-ден-Линден.

⁶ Очевидно, речь идет об остановившейся в отеле «Бристоль» московской гостье — *Герриетте Мироновне Паскар* (1888–1974), пантомимной танцовщице, выпускнице Студии В.Э. Мейерхольда в 1910-х гг., руководителе и режиссере Первого Государственного театра для детей при Наркомпросе (ГДДТ, впоследствии Госцентюз, МТЮЗ), открытым в 1920 г. в Москве. Подробнее о ней см.: *Эпштейн А.Д.* Паломник: Путь Александра Либермана к Марку Шагалу // Русские евреи в Америке / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Кн. 12. Торонто; СПб., 2015. С. 120. Ремизов был знаком с Паскар еще по Петрограду, когда в первый сезон Первого Государственного театра для детей (1920/1921) она подготовила сценическую версию его новеллы «Красочки» (1906) в жанре пантомимы. После эмиграции Ремизова Паскар намеревалась познакомиться с писателем и его женой в конце 1922 г., когда останавливалась в Берлине по дороге из Лондона, где жил ее сын, в Москву. Сохранилось ее письмо от 7 декабря 1922 г., в котором она сожалела о несостоявшейся встрече с Ремизовыми и горячо отзывалась о книге «Ахру. Повесть петербургская» (Берлин; Пб.; М., 1922). Очевидно, в июле 1923 г. Паскар вела с писателем переговоры о театральной постановке пьесы «Алалей и Лейла» (1919). Тем не менее этому проекту не суждено было осуществиться. См. подробнее: *Дворникова Л.Я.* Алексей Ремизов и Аркадий Зонов // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А.М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 360–361.

⁷ В 1923 г. католики отмечали Пасхальное Воскресение 1 апреля, а православная церковь — 8 апреля.

⁸ Речь идет о дне смерти С.П. Ремизовой-Довгелло.

⁹ Почтовая открытка с изображением пасхального зайца в очках.

¹⁰ Неизвестное лицо. Севпрос — петроградский кооператив служащих в Народном Комиссариате по просвещению Союза коммун Северной области (образован в 1919 г.). Союз объединял Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Петроградскую, Псковскую, Новгородскую, Северо-Двинскую и Череповецкую губернии.

¹¹ Счастливой Пасхи! (*нем.*)

¹² Открытка с видом ресторана “Wahtelburg” в городе Вердер.

¹³ Вердер в цвету (*нем.*).

¹⁴ Вид на реку Хафель (*нем.*).

¹⁵ Известный своими целебными источниками с XVII в. курорт Bad Kudova, где с 9 по 17 июля 1923 г. находилась на лечении С.П. Ремизова-Довгелло.

¹⁶ Очевидно, измененная Ремизовым фамилия. В архиве писателя сохранились письма, подписанные неким М. Копелянским, который, по всей видимости, как маклер оказывал услуги по переводу обесценивавшихся немецких марок в твердую валюту. В частности, 14 августа 1923 г. он писал: «Дорогой Алексей Михайлович! Пересылаю Вам при сем 10 миллионов марок, за которые пришлось сегодня обменять 4 доллара, т<ак> к<ак> доллар сильно идет на неделю, но кроме того, за *полнейшим* отсутствием наличных денег приходится отдавать еще дешевле курса, чтобы достать денежные знаки. <...> Не откажите в любезности мне написать сейчас же по получении денег и мне сообщить, когда и сколько Вам перевести еще» (Amherst College Center for Rus-

sian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. B. 3. F. 1. P. 74; далее: Amherst, с указанием шифра). Необходимость в подобного рода операциях была продиктована стремительно развивавшейся инфляцией. Нелегальный оборот валюты среди эмигрантов, в свою очередь, вызвал недовольство правительства Германии, обвинившего иностранцев в спекуляции валютой. Случаи спекуляции послужили основанием для высылки из иностранцев Берлина. Ср. упоминание об этом в связи с одним из биографических сюжетов, раскрытых в книге «Мышкина дудочка» (1953): «Опытные люди, в руках которых обращалась в те годы нелегальная благородная валюта, догадывались по полицейскому извещению: “Абт. 1. А, фремденамт”, и уверяли <...> меня, что высылают нас не иначе, как за “спекуляцию”» (Ремизов. А.М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. М., 2003. С. 139).

¹⁷ Речь идет о *Лоллии Ивановиче Львове* (1888–1967) — поэте, журналисте, литературном критике. Москвич по рождению, он эмигрировал из России в 1919 г. в Гельсингфорс, в 1921 г. жил в Ревеле, где и произошло знакомство с Ремизовым; в 1922 г. переселился с женой (Н.Г. Львовой) в Берлин; сотрудничал в эмигрантских периодических изданиях; в 1923–1931 гг. писал рецензии на книги Ремизова.

¹⁸ *Глеб Петрович Струве* (1898–1985) — поэт, историк литературы русской эмиграции, переводчик; сын философа и политического деятеля П.Б. Струве; нелегально эмигрировал в 1918 г., учился в Оксфорде, осенью 1922 г. переехал в Берлин, где предполагалось издание журнала «Русская мысль», печатавшегося ранее в Софии (1921) и Праге (1922). Знакомство Ремизова со Струве-младшим состоялось в начале октября 1922 г.; с этого времени Ремизов вел переговоры со Струве-старшим — главным редактором журнала «Русская мысль» — о публикации романа «Плачущая канава». Подробнее см.: *Колеров М.А.* Русские писатели и «Русская мысль»: (1921–1923): Новые материалы // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 19. М.; СПб, 1996. С. 247, 248. См. также: *Струве Г.П.* Ремизов // Струве Г.П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы: Краткий биографический словарь русского зарубежья. 3-е изд., испр. и доп. Париж; М., 1996. С. 80–82, 176–178.

¹⁹ Журнал «Хиперион» (1922–1931) был основан группой болгарских символистов во главе с Теодором Траяновым; издавался на болгарском языке в Софии. Очевидно, здесь подразумевается публикация перевода Л. Стоянова на болгарский язык ремизовской поэмы «О судьбе огненной: предание от Гераклита Эфесского» (впервые издана петроградской артелью художников «Сегодня» в 1918 г.), в заголовке которой была допущена ошибка (вместо Гераклита — Демокрит): *Ремизов А.* За огненной съдба: По думите на Демокрита (*sic!*) // Хиперион. 1923. Кн. 2. С. 85–88. Впервые о Ремизове на страницах «Хипериона» упоминалось в первой книге за 1923 г., в обзоре Н. Берберовой «Русская литература после революции» (*Берберова Н.* Руската литература след революцията // Хиперион. 1923. Кн. 1. С. 60).

²⁰ Подпись под текстом перевода была правильной: Алексей Ремизов (Хиперион. 1923. Кн. 2. С. 88). Однако очевидно, что курьезная ошибка с заменой имен в названии поэмы «О судьбе огненной...» напомнила Ремизову прецедент с публикацией его стихотворения, посвященного дочери Наташе, — «Над колыбелью» («Засни, моя девочка милая!...») — в киевском художественном сборнике «Чтец-декламатор» (1908. № 3. С. 73–74) с подписью «Сергей Ремизов», при том что здесь же был помещен портрет писателя.

²¹ Хозяйка квартиры на Lessingstrasse, 16, куда Ремизовы переселились 1 апреля 1923 г.

²² *Трапезникова Любовь Исаковна* (урожд. Красильщик; 1885–1964) — музыкант, последовательница учения Р. Штайнера; участвовала в строительстве первого Гетеанума (1913–1919); член Русского антропософского общества (1913–1922). В августе 1913 г. Ремизова-Довгелло в компании с Трапезниковой и ее мужем Т.Г. Трапезниковым приезжала в Мюнхен для посещения курса лекций Штайнера (см.: Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Мальстада // Минувшее. Исторический альманах. [Вып.] 6. М., 1992. С. 354).

²³ *Клавдия Николаевна Васильева* (урожд. Алексеева, 1886–1970) — видный деятель антропософского движения в России; близкая подруга Л.И. Трапезниковой. В частности, об антропософской практике Васильевой-Бугаевой см.: *Лавров А.В.* Штрихи к биографии Белого и К.Н. Бугаевой // Лавров А.В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 628–631. Очевидно, в письме, адресованном С.П. Ремизовой-Довгелло, речь шла о сближении Васильевой с Андреем Белым. В начале 1923 г. Васильева приехала в Берлин, весну и начало лета провела вместе с поэтом в курортном городке Бад-Гарцбург; в июле вернулась в Москву. Вследствие возникших и укрепившихся близких отношений с Васильевой Белый изменил свои жизненные планы и принял внутреннее решение вернуться в Россию, ср. его дневниковую запись за июнь 1923 г.: «...беседы с К.Н. о Москве, я кладу решение какою угодно ценою вернуться в Россию» (Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый: Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров и Дж. Малмстад. М., 2016. С. 479). Гражданский брак Васильевой и Белого длился с 1923 по 1931 г., когда они официально стали мужем и женой и Клавдия Николаевна взяла фамилию мужа — Бугаева.

²⁴ *Шкапская Мария Михайловна* (урожд. Андреевская; 1891–1952) — поэтесса, детская писательница, журналистка; познакомилась с Ремизовыми в Петрограде в 1920 г.; после их отъезда в Германию сберегла и передала в Пушкинский Дом ремизовскую коллекцию игрушек (подробнее см.: *Грачева А.М.* Алексей Ремизов и Пушкинский Дом (Статья первая. Судьба ремизовского «музея игрушек») // Русская литература. 1997. № 1. С. 185–215); многолетний корреспондент Ремизовых, она долгие годы была хранителем традиции «обезьяньего» братства в петроградском дружеском кругу литераторов и членов Обезвволлала; посвятила Ремизову стихотворение «Нечто в виде обезьяньей присяги», опубликованное в берлинской газете «Голос России» (1922. № 971, 21 мая). С конца января 1923 г. находилась в Берлине в командировке и выступала с чтением своих произведений на творческих вечерах Дома искусств (вместе с Г. Алексеевым — 2 февраля и вместе с И. Эренбургом — 23 февраля). См. также упоминания о встречах Шкапской с русской литературной диаспорой: *Ходасевич Вл.* Камер-фурьерский журнал / Вступ. ст., подгот. текста, указатели О.Р. Демидовой. М., 2002. С. 39, 40. В 1922–1923 г. в берлинских издательствах вышли три ее поэтических сборника.

²⁵ Знакомая С.П. Ремизовой из круга антропософов *Елизавета Ивановна Дмитриева* (1887–1928) — поэтесса, переводчица; руководитель петроградской антропософской группы Ильи Пророка; с 1911 г. замужем за Всеволодом Николаевичем Васильевым, близкая подруга Л.И. Трапезниковой (см. примеч. 22). В 1909 г. под режиссурой своего близкого друга М.А. Волошина стала героиней одной из самых громких литературных мистификаций эпохи символизма, скрывшись за образом безвестной поэтессы Черубины де Габриак. Стихи таинственной незнакомки появились на страницах второго номера элитарного журнала «Аполлон» за 1909 г. одновременно со статьей Волошина «Гороскоп Черубины де Габриак» (Отд. II. С. 1–4; Литературный альманах. С. 1–10). Подробнее о развитии этой литературной истории, имевшей впоследствии весьма драматические любовные коллизии, см.: *Волошин М.* Воспоминания о Чеубине де Габриак // Волошин М. Собр. соч. Т. 7. М., 2000. С. 451–471; *Ланда М.С.* Символистская поэтесса: опыт мифотворчества // Русская литература. 1994. № 4. С. 120–133. Дмитриева-Васильева была невесткой К.Н. Васильевой (см. примеч. 23), поскольку последняя с 1909 по 1931 г. жила в браке с Петром Николаевичем Васильевым — братом В.Н. Васильева. Подробное жизнеописание Дмитриевой, публикацию ее писем и библиографию о ней см.: Черубина де Габриак. Из мира уйги неразгаданной. / Сост., подгот. текстов и примеч. В.П. Купченко и Р.П. Хрулевой. Феодосия., 2009. См. также: *Купченко В.П.* Хроника жизни и творчества Е.И. Васильевой (Черубины де Габриак) // Черубина де Габриак. Исповедь / Сост. В.П. Купченко, М.С. Ланда, И.А. Репина. М., 1998. С. 318–335.

²⁶ *Леман Борис Алексеевич* (1882–1945) — поэт, критик, переводчик, антропософ; в 1907 и 1909 г. выпустил две книги стихов под псевдонимом Борис Дикс, в частности, сборник «Стихотворения» вышел в свет с предисловием Вяч. Иванова. Как член университетского «Кружка молодых» (СПб., 1906–1907) сотрудничал в журнале «*Gaudeamus*» (СПб., 1911). В 1912 г. вовлекся в круг последователей Р. Штейнера, очевидно, особое внимание уделяя философской теме взаимосвязи звука и цвета в физической природе и мистическом восприятии художника, выражающемся в рисунке и музыке. В результате изысканий в этом направлении Леман погрузился в изучение индийской философии, в частности, в систему Адвайта-веданта. Положения этого учения применены Леманом в исследовании творческого феномена литовского художника и композитора, мистика Микалоюса Константиноса Чюрлёниса. См.: *Леман Б.А.* Чурлянис. Пб., 1912 (2-е изд. — 1916). Очевидно, посвященный Леманом в теорию звука и цвета в интерпретации индуизма, Ремизов прозвал поэта «индейцем». Возможно, ремизовская концепция искусства звучащего и зрительного, формировавшаяся в индивидуальном модусе, имеет имплицитные корреляции со знанием, полученным от Лемана. Ср. упоминания о нем в очерке «О понимании» (конец 1954 — начало 1955): «Борис Алексеевич Леман (Борис Дикс), после стихов — автор “Книги о Чурлянисе”, (индеец), внимательный, хороший человек, а как поступил в антропософы — и раззнакомился. Понимаю, как вступает человек в духовный мир, перестает чувствовать бедовый “материальный” и земной» (*Ремизов А.* Кукха. Розановы письма / Изд. подгот. Е.Р. Обатнина. СПб., 2011. С. 216–217). С 1916 г. Леман выполнял обязанности секретаря петроградского отделения Русского антропософского общества, был руководителем петроградской антропософской группы Бенедиктуса. Официально Леман не был супругом Дмитриевой, однако он вступил в сложный треугольник отношений с ней и ее официальным мужем П.Н. Васильевым. Объединению троих способствовала и общая антропософская деятельность. В 1917 г. Леман выпустил книгу о французском мистике, последователе А. Бёме — К.Л. де Сен-Мартене, с посвящением Дмитриевой. Подробнее см.: *Богомолов Н.А.* Между Леманом и Диксом // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 335–411. В 1921 г. Леман и Васильевы жили в Краснодаре, Леман служил профессором Кубанского университета, читал курс лекций по истории древнего Востока; тогда же все трое были арестованы за пропаганду антропософии; в 1922 г. после освобождения вернулись в Петроград.

²⁷ *Казимир Людвигович Тышка* (1875–1902) — товарищ С.П. Ремизовой по ссылке в Сольвычегодске в 1901–1902 гг.; покончил жизнь самоубийством. После смерти Тышки у Ремизовых хранилась его рукописная тетрадь со стихотворениями в прозе, очевидно, переданная на хранение петроградским знакомым перед отъездом. Ср.: «В Сольвычегодске: Казимир Людвигович Тышка (похоронен в Сольвычегодске); о нем особенная память: человек тончайшей души и одаренный; моя мечта: то немногое, что осталось, — “рассказы” — издать отдельной книгой с портретом: какое прекрасное лицо!» (*Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 8: Подстриженными глазами. Ивернь. М., 2000. С. 482). Этот замысел не осуществился, но в 1903 г. Ремизов опубликовал серию стихотворений Тышки в газете «Юг». Подробнее об этом см.: Письма А.М. Ремизова к П.Е. Щеголеву. Ч. 2. Одесса. Херсон. Одесса. Киев (1903–1904) / Публ. А.М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 158. В романе Ремизова «В розовом блеске» (гл. «Непоправимое») Тышка выведен под фамилией Заруцкий; здесь же дана краткая характеристика его лирической прозы. Подробнее см.: *Ремизов А.* В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 291–297.

²⁸ Студент Петроградского университета *Николай Ильич Закатимов*, общение Ремизова с которым началось в 1920 г. в редакции журнала «Красный милиционер». См. упоминание о нем в Дневнике 1917–1921 гг.: «очень хороший мальчик» (*Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 5: Взвихренная Русь. М., 2000. С. 514). Очевидно, благодаря Ремизову Закатимов, в то время мечтавший встать на путь литератора и пробовавший перо, познакомился с А.М. Горьким и даже был вдохновлен

авторитетным поощрением, о котором восторженно вспоминал в письме Ремизову от 1 июля 1923 г. (получено в Берлине 9 июля): «И ярким пламенем горят передо мной: Ваш святой завет, да незабываемые слова М. Горького: “Надеюсь, что из Вас, что-либо — получится... и хорошее”» (Amherst. Series 1. В. 1. F. 9). В этом же письме упоминались подаренные ему Ремизовым грамота кавалера Обезьяньей Великой и Вольной Палаты и книги — «Русские женщины» и издание пьесы «Трагедия о Иуде принце Искаротском» (см. примеч. 29).

²⁹ Речь идет об изданиях произведений Ремизова: Трагедия о Иуде принце Искаротском: В 3-х действиях (1908). Пг.; М.: Изд. Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению, [1919]. 72 с. (Репертуар: Русский театр; № 26); Бесовское действо: Представление в трех действиях с прологом и эпилогом. Пг.: Театральный отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919. 48 с. (Русский театр; № 11).

³⁰ *Марк Александрович Алданов* (наст. фам. Ландау; 1886–1957) — писатель; эмигрировал весной 1919 г.; жил в Париже, редактировал журнал «Грядущая Россия» (Париж, 1920), сотрудничал в журнале «Современные записки» (Париж, 1920–1940); весной 1922 г. переехал в Берлин, где стал сотрудником газеты «Голос России» (1919–1922); одновременно редактировал воскресное литературное приложение к берлинскому еженедельнику «Дни» (1922–1928). В течение 1922 г. Ремизов публиковал в газете «Голос России» серию анонимных заметок, организованных в псевдохроннику культурной жизни русской диаспоры в Берлине. Подробнее см.: *Флейшман Л.* В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофагского // *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski.* Stanford: Dept. of Slavic Languages and Literatures, Stanford University, 1999. Vol. 20. P. 145–176. В данном письме речь идет о почтовой открытке Алданова от 8 июля, в которой отправитель после разговора с издателем — А.Ф. Керенским сообщает, что редакция просит Ремизова прислать «вещь» (Amherst. Series 1. В. 3. F. 1. P. 15). Очевидно, подразумевался литературный раздел газеты «Дни», в котором в первой половине 1923 г. состоялась публикация цикла рассказов Ремизова под названием «Человек человеку свет».

³¹ *Александр Васильевич Бахрах* (1902–1985) — критик, литературовед, журналист, переводчик, мемуарист; в ремизовском реестре членов Обезвельволпала за 1922 г. значится как кавалер обезьяньего знака и «бывший упказ», т.е. управляющий казной. Ср.: «Не скрою, что тогда мне очень польстило носить титул упказа ремизовской обезьяньей палаты да еще в придачу значиться у него “турецким послом обезьяньим и кавалером первой степени с журавлиной ногой”» (*Бахрах А.* По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж, 1980. С. 23). См. также очерк биографии Бахраха: *Носик Б.* «Такой забавник-умница Бахрах» // Евреи в культуре русского зарубежья / Изд. и сост. М. Пархоменский. Т. 2: 1919–1939. Иерусалим, 1993. С. 51–64.

³² *Дмитрий Александрович Уманский* (1901–1977) — переводчик русских авторов на немецкий язык. Письма, отправленные Ремизову его венским корреспондентом 6 и 7 июля, нельзя назвать «беспредметными»: в них Уманский сообщил о переводе рассказа «Пупочек», который вскоре появился в печати: *Remizov A.* Das Nabelchen / Ubers. D. Umanskij // Prager Presse. 1923. № 192, 15. Juli. Также переводчик обговаривал состав сборника произведений писателя на немецком языке, выбрав для перевода рассказы «Перчатки» и «Свет нерукотворенный» из сборника «Среди мурья» (Пг., 1917). Однако публикации этих текстов в немецкой повременной печати не выявлены. В предшествующих письмах Уманский сообщил о своем переводе рассказа «Чудо» (*Remizov A.* Das Wunder / Ubers. D. Umanskij // Arbeiter Zeitung. 1923. № 188, 11. Juli. S. 6), незадолго до того опубликованного в газете «Дни» (1923. № 151, 29 апр. С. 9).

³³ Речь идет об издании повести «В поле блакитном» (*Remizov A.* In blauem Feld / Ubers. K. Rosenberg. Berlin: S. Fischer Verlag, 1924), которая на русском языке впервые вышла в свет отдельной книжкой в берлинском издательстве «Огоньки» в 1922 г. и впоследствии составила первую часть следующей повести «Оля» (Париж: Вол, 1927), посвященной детству и юности С.П. Ремизовой-Довелло.

³⁴ “Die Neue Rundschau” — старейший в Европе литературный журнал, выпускаемый издательством “S. Fischer Verlag” в Берлине с 1886 г. Право на перевод рассказа «Жизнь несмертельная» (1917) Ремизов предоставил К. Розенберг. Уже 28 июля переводчица со свойственной ей щепетильностью и заботой сообщила Ремизову о предстоящей публикации в сентябрьском номере журнала, о полученном гонораре в размере 500 000 марок и со словами «позволю себе приложить в письме половину» отправила писателю 250 000 марок (Amherst. Series I. B. 3. F. 1. P. 50). См. публикацию перевода: *Remisov A. Unverwustliches Leben / Übers. K. Rosenberg // Die Neue Rundschau. 1923. № 9.*

³⁵ Sofort — немедленно (нем.).

³⁶ *Oskar Lörke* (Oscar Loerke; 1884–1941) — поэт, писатель, литературный критик, один из основателей немецкого экспрессионизма. В 1920-е гг. редактор издательства С. Фишера (S. Fischer Verlag).

³⁷ Речь идет о новой редакции рассказа «Птичка» (1913) для третьего номера журнала «Новый Огонек» (Берлин. 1923. №№ 1–3; ред. А.Е. Ортлих), с которым сотрудничал *Виктор Борисович Шкловский* (1893–1984).

³⁸ Kohlen — угли (нем.).

³⁹ *Григорий Ефимович Распутин* (наст. фамилия Новых; 1869–1916) — крестьянин из Тобольской губернии, несколько лет проведенный в паломничестве по монастырям. В 1906 г. благодаря своей экстраординарной способности был приближен к царской семье для лечения больного гемофилией наследника престола Алексея; оказывал сильнейшее влияние на царицу Александру Федоровну. Модель поведения, которую Распутин демонстрировал в социуме, внешне имела сходство с древней практикой христианской аскетики и мистики, получившей в русской традиции название «старчество», т.е. особого вида молитвенная жизнь, связанная с пророчествами и исцелениями от духовных и физических болезней. Между тем «старец» приобрел скандальную известность как человек необузданных страстей. Распутин был убит 17 декабря 1916 г. в особняке князя Ф. Юсупова группой заговорщиков, представлявших интересы монархии. Ср. реакцию Ремизова на известие об убийстве: «— Угробили чудотворца, — сказал он, улыбнувшись, — следует, может, выдать этим старателям орден Великой Обезьяней палаты? А? За любовь к родине? — Но, подумав секунду, произнес: — Впрочем, кто его знает. Вдруг он еще очухается и проснется, а?» (Цит. по: *Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий / Изд. под общей ред. Р. Герра. М., 2005. С. 227.*)

⁴⁰ *Иванов-Разумник* (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов; 1878–1946) — литературный критик, историк общественной мысли; в своих статьях 1910-х гг. вывел имя Ремизова в разряд передовых писателей современности. См. о взаимоотношениях Иванова-Разумника с писателем: *Письма Р.В. Иванова-Разумника к А.М. Ремизову (1908–1944) / Публ. и вступ. зам. Е. Обатниной, В.Г. Белоуса; подгот. текста Е. Обатниной, В.Г. Белоуса и Ж. Шерона // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. Вып. II. СПб., 1998. С. 19–122; 244; Обатнина Е.Р. «Крылатый» или «Земляной»? (К истории творческих взаимоотношений А. М. Ремизова и «скифов») // На рубеже двух столетий. Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова. М., 2009. С. 484–495.*

⁴¹ Подразумевается издательство “S. Fischer Verlag”.

⁴² Петербургское издательство, возникшее на базе картонажно-переплетной фабрики «Отто Кирхнер и Ко» (1901–1918); возобновило свою деятельность в Берлине (конец 1921–1923 гг.) под идентичным названием. Упоминание «Паруса» — возможно, отсылка к издательству «Парус» (Петроград; изд.: И.П. Ладыхников, А.Н. Тихонов; ред. М. Горький; 1914–1919).

⁴³ Вероятнее всего, А.П. <sic!> Плетнев, который также упоминается в письмах Я.Н. Блоху как доверенное лицо в Берлине С.К. Маковского, жившего в это время в Праге (см.: *Рейтблат А. Я.Н. Блох и издательство «Петрополис». Письма Я.Н. Бло-*

ху // Евреи в культуре русского зарубежья / Сост. и изд. М. Пархомовский. Т. 3: 1939–1960. Иерусалим, 1994. С. 178–179).

⁴⁴ Неизвестный проект переиздания драмы Ремизова «Бесовское действо» (1908).

⁴⁵ Павел Павлович Муратов (1881–1950) — писатель, искусствовед; в Берлин приехал под предлогом служебной командировки осенью 1922 г.

⁴⁶ Речь идет об актере Третьей студии Е.Б. Вахтангова Юрии Александровиче Завадском (1884–1977), который в 1922–1923 гг. прославился в роли Калафа («Принцесса Турандот» К. Гоцци, 1922); впоследствии стал известным советским режиссером. В июне–августе 1923 г. театр Вахтангова совершал гастрольное турне (Ревель–Стокгольм–Гетеборг–Берлин). См. восторженные воспоминания дочери М.О. Гершензона, которая ребенком оказалась с родителями на двух гастрольных спектаклях с участием Завадского, а также на приеме, очевидно, в особняке Макса Эйтингона, где присутствовал и Ремизов: М.О. Гершензон в Берлине. Из воспоминаний Н.М. Гершензон-Чегодаевой / Публ. М. Чегодаевой // Евреи в культуре русского зарубежья / Изд. и сост. М. Пархомовский. Т. 3. С. 249–251.

⁴⁷ Вероятно, речь идет о планах Завадского, который после смерти Вахтангова (осенью 1922 г.) вошел в художественный Совет театра-студии и, возможно, намечал к постановке в Москве ремизовскую «Трагедию о Иуде принце Искаротском» (1909).

⁴⁸ “Kaufhaus des Westens”, в сокращении KDW — универсальный магазин в берлинском районе Шарлоттенбург. До экономического кризиса начала 1920-х гг. считался крупнейшим в континентальной Европе и входил в пятерку самых крупных универсамов мира.

⁴⁹ Издательство «Огоньки» (владелец А.Г. Левенсон), основанное в Берлине в декабре 1921 г., анонсировало выпуск русской беллетристики и поэзии, в том числе произведений Ремизова. См. об этом заметку «Новое издательство» (Руль. 1921. № 325, 11 дек. С. 7). В 1922 г. «Огоньки» выпустили повесть Ремизова «В поле блакитном».

⁵⁰ Трехмесячник «Окно», издававшийся в Париже супругами Цетлиными (1923). Во втором номере альманаха опубликована первая редакция книги Ремизова «Розановы письма». Из письма К. Заблудовской, распоряжавшейся в редакции «Окна» рассылкой авторских экземпляров, следует, что Ремизов стал счастливым обладателем всего одного авторского экземпляра, второй ему был отправлен для передачи А.В. Бахраху (Amherst. Series 1. B. 3. F. 1. P. 19).

⁵¹ С.И. Шаршун. См. о нем: А.М. Ремизов. «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / Комментар. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 8. С. 50.

⁵² Лев Исаакович Шестов (наст. фам. Шварцман; 1866–1938) — философ, близкий друг Ремизова. История многолетних отношений, завязавшихся в 1904 г., отражена в публ.: Переписка Л. И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 133–169; № 3. С. 158–197; № 4. С. 92–133; 1993. № 1. С. 170–181; № 3. С. 130–140; № 4. С. 147–158; 1994. № 1. С. 159–174; № 2. С. 136–185; А.М. Ремизов и Л.И. Шестов: из переписки писателя и философа (1933–1938) / Publ., comment. et notes de K. Ruzhinskaitė // Revue des Études Slaves. 2013. T. LXXXIV, fasc. 1–2. P. 287–300.

⁵³ Речь идет о письме Л. Шестова от 29 июня 1923 г. с отзывом о прочитанной главе «Завитушка», написанной для книги «Кукха. Розановы письма» — второй, расширенной редакции воспоминаний Ремизова о В.В. Розанове. Особенность этой серии миниатюр состояла в скрытых коннотациях с обшенной лексикой и образами «материально-телесного низа» (М. Бахтин). Ср. письмо, оставшееся за рамками современных публикаций переписки Шестова и Ремизова: «“Завитушка” написана

чудесно. По-моему, кроме тебя так никто среди русских сейчас не пишет. И о Розанове только ты один можешь написать по-настоящему. Но “пристроить” — невозможно. Носил и к Вин<аверу> и в “Совр<еменные> Зап<иски>”. Читал сам вслух и всякие вводные слова произносил. Все в восторге — но печатать никак не решаются и, ведь, в самом деле — такое никогда нигде не печаталось: так только отдельной книжкой, с ограничением количества экземпляров — как твои сказы — для любителей. Надежды пристроить здесь — нет никакой. Рукопись привезу тебе сам» (Amherst. B. 3. F. 1. P. 22).

⁵⁴ Зюльт (Sylt) и Фёр (Föhr) — крупные острова в Северном море, на которых обустроены популярные в Германии курорты и лечебницы.

⁵⁵ Дворец Бельвю (нем. Schloss Bellevue) — берлинский дворец в северной части парка Тиргартен.

⁵⁶ Подразумевается полицейский участок — Polizeirevier (нем.).

⁵⁷ Жилищный отдел (нем.).

⁵⁸ См. примеч. 37.

⁵⁹ Очевидно, подразумевается одна из попыток опубликовать новеллы в жанре «снов» с упоминанием реальных лиц.

⁶⁰ Речь идет о редакции журнала «Новый огонек».

⁶¹ Новую главу «Завитушка» Ремизов предложил и пражскому журналу «Воля России», поскольку редактор издания М. Слоним еще в октябре 1922 г. в письме к писателю выражал заинтересованность «материалом о Розанове» (*Keys R. New light on Remizov's first novel, Prud (The Mere): selected correspondence of A.M. Remizov, E.A. Liatskii, M.L. Slonim, F.S. Mansvetov, and The "Plamia" publishing house // Slavonica. 2004. Vol. 10. April. P. 66*). 27 июля 1923 г. Слоним попросил прислать ему текст, однако спустя месяц (28 августа) вернул его со словами: «Рукопись Ваша вызвала много разговоров в нашей редакции, и поэтому я и не отвечал Вам. В результате всех разговоров мы печатать ее “убоялись”, ибо некоторые места весьма “густые”, малоцензурные» (Ibid. P. 68).

⁶² См о ней.: Литературный факт. 2018. № 8. С. 40.

⁶³ Ценное письмо (нем.).

⁶⁴ Александр Александрович Бакиш (1885–?) — театровед, киновед, переводчик; уроженец Керчи; эмигрировал в Англию в 1911 г. В архиве Ремизова сохранилась его визитная карточка с лондонским адресом на обороте, а также открытка от 14 июля 1923 г., написанная из Баден-Бадена на пути в Париж (Amherst. Series 1. B. 3. F. 1. P. 21, 25–25a). Подробнее о нем: Бёрд Р. Русский символизм и развитие киноэстетики: наследие Вяч. Иванова у А. Бакиши и Адр. Пиотровского // Новое литературное обозрение. 2006. № 8. С. 80–82.

⁶⁵ В начале июля 1923 г. С. Шаршун вернулся в Париж, проведя год в Берлине. О предстоящем отъезде он сообщил Ремизову почтовой открыткой от 2 июля (Amherst. B. 3. F. 1. P. 3–3a). В оригинале письма имя упоминаемого лица стерто и вписано прозвище «Куринас» — персонаж сказочного цикла «Посолонь» (1906). См. Приложение. С. 78.

⁶⁶ Речь идет о сестрах-близнецах Наталье Викторовне (1903–1992) и Ольге Викторовне (1903–1979) Черновых, матерью которых была О.Е. Колбасина-Чернова, а отчимом В.М. Чернов. Молодые девушки нашли работу рисовальщиц для модных домов Парижа.

⁶⁷ Иван Созонтович Лукаш (1892–1940) — писатель, журналист; в Берлине долгое время состоял членом литературного содружества «Веретено» (1922). Интенсивный период общения Ремизова с Лукашем пришелся на 1925–1927 гг., когда Лукаш стал редактором рижской газеты «Слово» (1925–1927). См., в частности, о его рецензии на роман «Взвихренная Русь»: *Спроге Л. Гонение на ОБЕЗВЕЛВОШПАЛ: А.М. Ремизов в русских изданиях Риги (1922–1940 гг.) // Slavica — 2015: filoloģijas pētījumi. Zinātnisku materiālu un rakstu krājums. Rīga, 2015. P. 49–61.*

⁶⁸ Очевидно, одна из статей эмигрантской прессы, перепечатывавшей из советских центральных газет бюллетени о здоровье Ленина. В июле 1923 г. врачи отметили явный прогресс в лечении вождя пролетариата.

⁶⁹ См. примеч. 50.

⁷⁰ *Надежда Михайловна Плевицкая* (урожд. Винникова; 1884–1940) — певица (меццо-сопрано); в 1920-е гг. в эмиграции прославилась как исполнительница русских народных песен и романсов; автор мемуаров «Дёжкин карагод» (Берлин, 1925), в качестве предисловия к которым в берлинском издании 1925 г. была помещена ремизовская сказка «Венец» (1913; редакция 1922 г.) с факсимильным воспроизведением каллиграфической рукописи писателя. См. об участии Ремизова в подготовке мемуаров к изданию: *Хазан В.* «Благодаря вам отчасти он мог продолжить свою работу до конца»: Лев Шестов и Макс Эйтингтон (Исцеление для неисцелимых: Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингтона / Сост. В. Хазан, Е. Ильина; вступ. статья В. Хазана. М., 2013. С. 17, а также в письме Шестова Эйтингтону от 9 и 27 октября 1924 г. (Там же. С. 84, 86). Подробнее о Плевицкой см.: Там же. С. 16–17.

⁷¹ Название банка.

⁷² Речь идет об издании книги «Кукха. Розановы письма»; вышла 19 декабря 1923 г. в издательстве З.И. Гржебина. Об издательстве см.: *Гржебина Е. З.И.* Гржебин — издатель (по документам и воспоминаниям его дочери) // Евреи в культуре русского зарубежья / Изд. и сост. М. Пархомовский. Т. 1: 1919–1939. Иерусалим, 1992. С. 149–153. См. также о сотрудничестве Ремизова с Гржебиным: *Обатнина Е.* 1) Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 227–228; 2) Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. // Литературный факт. 2018. № 7. С. 29–30. Общение с издателем в дореволюционные годы отражено в рассказе Ремизова «Исаич» (1915). Ремизовым привелось дважды быть соседями Гржебина: в доме Хренова на Таврической (1910–1915) и на Песочной (с сентября 1915 по июнь 1916 гг.). Все члены семьи Гржебина были кавалерами Обезьяньей Великой и Вольной Палаты. В документах Обезвелоппала зафиксировано наследственное право Гржебиных на звание кавалеров ремизовского Ордена (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 2. № 13. Л. 55). З.И. Гржебин носил титул «зауряд-князя».

⁷³ Квартира Ремизовых на Лессингштрассе, 16, находилась над аптекой — *Drogerie (нем.)*.

⁷⁴ Подразумевается берлинское издательство «Скифы».

⁷⁵ *Александр Мартынович Арнштам* (1880–1969) — график, сценограф. В первом номере журнала «Новая русская книга» за 1922 г., в разделе «Судьбы и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 г.» сообщалось: «Ал-др Мартынович Арнштам, художник-график, до 1919 года жил и работал в Петербурге. В 1917 году заведовал худож. отд. изд.<ательства> Скобелевского Просветит. комитета, редактировал художеств. часть “Художественного журнала”. В 1918–19 г. был членом Отдела Изобразительных Искусств, сотрудником отдела по охране памятников старины, литературно-изд. отд. Комиссии народного просвещения, редактировал произведения Пушкина. Отдельные произведения Пушкина должны были быть изданы с иллюстрациями А. Бенуа, Б. Кустодиева, В. Замирайло, Д. Митрохина, А. Арнштама и др. Одновременно А. много работал в петроградском отд. госуд. изд-ства. В 1920 году А. переехал в Москву в качестве консультанта худож. отд. Госуд. Изд-ства. Им сделан целый ряд книжных украшений. В настоящее время А. находится в Берлине (Motzstrasse 37, Hotel Hager); в Берлине сотрудничал в издательствах “Геликон” и “Огоньки”; в последнем оформил книгу Ремизова “В поле блакитном” (1922)» (С. 37). В июле 1922 г. Арнштам вместе с Е. Грюнбергом организовали художественное издательство “Academia”, планировавшее выпуск монографий о классиках европейской живописи (см. анонс: Новая русская книга. 1922. № 7, июль. С. 30). См. о нем также: Ретроспектива. Александр Арнштам, 1880–1969: Москва, Санкт-Петербург, Берлин, Париж: [Каталог выставки] / Предисл. М. Гер-

ман, М. Магидович, Ю. Демиденко. СПб., 2000; *Магидович М.Л.* Социальная мобильность художника в условиях эмиграции // *Зарубежная Россия. 1917–1939.* СПб., 2003. С. 433–438; *Арништам А.М.* Воспоминания / Пер. с фр. и послесл. Ю. Германа; научн. ред. и коммент. О. Коростелева; дополн. К. Арнштама. М., 2010.

⁷⁶ Портрет Ремизова, выполненный Арнштамом, в журнале «Новый огонек» так и не появился. Позднее писатель получил фотографию этой графической работы, датированной 14 июля 1923 г. (фотография ныне хранится в Музее ИРЛИ). Отправляя копию, Арнштам писал Ремизову 7 мая 1924 г. в Париж: «При сем посылаю Вам прекрасно сделанную копию — специально для Вас, как я Вам писал уже — буду очень рад, если Вы ее дадите для репродукции в хороший французский журнал. Рисунок мой еще нигде не был воспроизведен, и я не хотел бы его давать безразлично в какое-нибудь издание» (Amherst. Series 1. B. 2 F. 7. P. 71). Оригинал портрета воспроизводится на цветной вклейке репродукций в изд.: *Арништам А.* Воспоминания.

⁷⁷ Речь идет о драматической пьесе Ремизова «Трагедия о Иуде принце Искаротском» (1909). Вырубов — неустановленное лицо.

⁷⁸ Geist — дух (нем.).

⁷⁹ Ср. описание привычной ситуации под окном квартиры Ремизова в повести «По карнизам» (1929): «<...> в первом этаже, окна открыты, вся моя волшебная комната вот, как вы! — станут стаей и выкликают: “Негг Remersdorf — Негг Remersdorf” и до тех пор кличут, пока не выглянешь, как самый гешпенст» (*Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 11: Зга. СПб., 2015. С. 483–484).

⁸⁰ Речь идет о почтовой открытке от 13 июля, в которой также сообщается парижский адрес Вырубова (см. примеч. 30, 77).

⁸¹ *Далмат Александрович Лутохин* (1885–1942) — экономист, публицист, литературный критик; выслан из Петрограда в феврале 1923 г.; 31 мая 1923 г. переехал из Берлина в Прагу. Подробнее о творческих контактах двух писателей см.: Письма А.М. Ремизова к Д.А. Лутохину (1923–1925) / Публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 944–976.

⁸² Н.Г. Львова (урожд. Шиполина) — жена Л.И. Львова.

⁸³ Букв.: монахиня — девственница и мученица (фр.). Одно из прозвищ Львовай.

⁸⁴ *Яков Самойлович Шрейбер* — инженер; близкий друг Л. Шестова, который жил с семьей в Берлине с конца 1900-х гг.; герой ремизовских мистификаций, кавалер Обезвельволпала; секретарь мифического общества «Цвофирзон». В Берлине (1921–1923) сотрудничал в издательстве «Скифы». При переписывании письма Ремизов ошибся, написав вместо Шрейбера фамилию руководителя берлинского издательства «Скифы» А.А. Шрейдера (см. Приложение. С. 80).

⁸⁵ Л.Я. Яппу. См. о ней: Литературный факт. 2018. № 8. С. 32.

⁸⁶ *Николай Николаевич Никитин* (1895–1963) — один из литературных воспитанников Ремизова в Петрограде (1920–1921), участник объединения «Серapiоновы братья»; в начале мая 1923 г. вместе с Б.А. Пильняком прибыл в Лондон по заданию Комиссариата Внешней торговли — для сбора и систематизации информации о российской экономике в Бюро информации советского торгового представительства «Аркос». Официальная версия командировки была отчасти прикрытием основной цели, предполагавшей участие писателей в Первом Международном Конгрессе ПЕН-клуба, начавшем работу 1 июня 1922 г. Ср. отчет В. Ходасевича в письме М. Горькому, который получил из Правления Клуба ряд настоящих вопросов по поводу выступления советских писателей. См. подробнее: *Казнина О.А.* Борис Пильняк и ПЕН-клуб // Борис Пильняк: Опыт сегодняшнего прочтения. М., 1995. С. 134–152; Письма Максима Горького к В.Ф. Ходасевичу (1922–1925) // *Новый журнал.* 1952. № 29. С. 210–211. В июле Никитин приехал из Лондона в Берлин для продвижения своих произведений на местном книжном рынке. Ср. письмо Ремизова из Берлина, адресованное Никитину в Лондон: «Надо вам сюда приехать с Борисом Ан-

древевичем Пильняком. Хотя на краткий срок. Визу — через Представительство просите. Я думаю, Вам удалось бы здесь устроить книги. Только, конечно на германские Марки. Вообще-то с книгами стало очень трудно. Но на вас, как на новенького могут позариться. Пишите! Серафима Павловна кланяется» (цит. по: *Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов (портреты и сюжеты). СПб., 2003. С. 217). По впечатлениям заграничной поездки Никитин написал серию очерков, составивших книгу «Сейчас на Западе. Берлин — Рур — Лондон» (Л.; М.: Петроград, 1924; с посвящением: «Моему товарищу Б. Пильняку»). В 1923 г. жил в Петрограде, куда и вернулся по окончании лондонской командировки. См. также историю общения Ремизова и Никитина в 1920-е гг.: Письма С.Н. Сергеева-Ценского и Н.Н. Никитина в эмигрантском архиве А.М. Ремизова: 1920-е гг. / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Литературный архив советской эпохи: Сб. ст. и публ. / [Отв. ред.-сост. Н.А. Прозорова]. СПб., 2018. С. 193–237.

⁸⁷ Секретарь правления петроградского кооперативного издательства «Петрополис» (1917–1924). См. о нем: Литературный факт. 2018. № 8. С. 34 (примеч. 88). В 1922 г. Блох приехал в Берлин и организовал берлинское отделение «Петрополиса» (1922–1939). Подробнее см.: *Рейтблат А.* Я.Н. Блох и издательство «Петрополис». Письма Я.Н. Блоху. С. 170–189.

⁸⁸ Подразумеваются издания поэтических сборников М.А. Кузмина, многие стихи которого С.П. Ремизова-Довгелло знала наизусть, в частности первую поэтическую книгу «Сети» (М.: Скорпион, 1908).

⁸⁹ Речь идет о возвращении Ремизову денег, которые издательство «Петрополис» задолжало за покупку его петроградской библиотеки. Посредником при передаче выступил А.К. Соколовский. См. о нем: Литературный факт. 2018. № 8. С. 34 (примеч. 88).

⁹⁰ В условиях гиперинфляции обесценивание марки скрывалось отчасти карточной системой распределения продуктов по искусственно низким ценам.

⁹¹ С лета 1923 г. в Германии началась инфляционная агония. За четыре месяца до конца ноября денежная масса выросла в 132 000 раз, уровень цен — в 854 000 раз, курс доллара — почти в 400 000 раз. Источник: <http://all-about-germany.info/giperinfljaciya-v-germanii-v-1919-1923-godax/>

⁹² А.А. Борман. См. о нем: Литературный факт. 2018. № 8. С. 35 (примеч. 92).

⁹³ Позднейшая приписка Ремизова в квадратных скобках противоречит содержанию вторым инициалом (см. Приложение. С. 80). Речь идет о переводе Д. Уманского рассказа «Чудо» (1913): *Das Wunder / Ubers. D. Umanskij // Arbeiter Zeitung.* 1923. № 188, 11. Juli. S. 6. На русском языке рассказ появился весной в берлинской газете «Дни» (1923. № 151, 29 апр.).

⁹⁴ Ср. оригинал письма (Приложение. С. 80), в котором упоминается с ошибочным вторым инициалом Сергей Иосифович Гессен (1887–1950) — философ, педагог; сын И. В. Гессена; в 1922–1924 г., до переезда в Прагу, жил в Берлине.

⁹⁵ Пассаж, возникший в результате переписывания оригинала письма в 1945–1948 гг. Ср. Приложение. С. 80.

⁹⁶ Рудольф Кайзер. См. о нем: Литературный факт. 2018. № 8. С. 29 (примеч. 37). Вероятно, речь идет о просьбе, с которой еще зимой 1923 г. Ремизов обращался к Кайзеру в связи с окончанием срока вида на жительство в Германии. Подробнее см.: Литературный факт. 2018. № 8. С. 29–30.

⁹⁷ Букв.: Ежедневные четыре буквы (*нем.*). Текст телеграммы Ремизова, отправленной С.П. Ремизовой-Довгелло.

⁹⁸ Л.И. Львов.

⁹⁹ Неустановленное лицо.

¹⁰⁰ Вероятно, художник А.С. Смирнов, оформлявший издание ремизовского пересказа народной сказки «Горе злостчатное» (Берлин: Книжный кустарь, 1922).

Сказка была отпечатана в виде свитка (раскрашенный оттиск с доски на ткани в количестве 300 экз.).

¹⁰¹ *Николай Васильевич Зарецкий* (1876–1959) — художник, книжный иллюстратор; в 1907–1908 гг. сотрудничал в журналах «Весь» и «Золотое руно»; эмигрировал в 1920 г., с 1922 г. в Берлине; в 1923–1924 гг. сотрудник литературного приложения газеты «Накануне», издательств З.И. Гржебина и «Эпоха»; в 1925–1931 гг. председатель Союза русских живописцев, ваятелей и зодчих (Берлин); в 1931–1950 гг. жил в Праге; в конце 1930-х гг. организатор пражского Русского культурно-исторического музея; в 1951 г. переехал в Париж; многолетний корреспондент и поклонник таланта Ремизова; при его содействии рисунки Ремизова экспонировались в галерее журнала «Штурм» (Берлин, 1927), а также на выставках «Рисунки французских и русских писателей» в Париже (1932) и Праге (1933/1934). Подробнее историю отношений писателя и художника см.: Письма А.М. Ремизова к Н.В. Зарецкому (1949–1951) / Публ. и коммент. И.С. Чистовой (при участии С.В. Денисенко) // Рисунки писателей: Сб. науч. статей / Сост. С.В. Денисенко. СПб., 2000. С. 326–340; *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные... С. 244–275 (гл. «Игра и жизнь кунстмалера Обезвелволпала»); *Поляков Ф.* Автобиографические письма Николая Зарецкого // Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook. N.F. / N.S.2018. 6. S. 236–265.

¹⁰² М.М. Шапская (см. примеч. 24) с сыновьями по рекомендации В.В. Вересаева с конца июня 1923 г. гостила в доме М. Волошина. Об этом см. письмо поэта Вересаеву от 30 июня (*Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 12: Письма 1918–1924. М., 2012. С. 680).

¹⁰³ Неустановленное лицо.

¹⁰⁴ Бад Эльстер (Bad Elster) — курортный город в Саксонии.

¹⁰⁵ Цикл рассказов «Парижский клад», намеченный Ремизовым для второго, неизданного при жизни писателя тома книги «Россия в письменах» (первый том выпущен берлинским издательством «Геликон» в 1922 г.); впервые опубликован под общим названием «Россия в письменах» в третьей книге журнала «Беседа» (с. 78–160), начатого изданием в мае 1923 г. (Берлин: изд. «Эпоха», 1923–1925; ред. М. Горький, Андрей Белый, В. Ходасевич, Б.Ф. Адлер, Ф.А. Браун).

¹⁰⁶ См. примеч. 62.

¹⁰⁷ *Владимир Иванович Лебедев* (1885–1956) — эсер, политик, публицист; с 1921 г. жил в Праге; член редколлегии журнала «Воля России». О судьбе гл. «Завитушка» в этом журнале см. примеч. 61.

¹⁰⁸ Речь идет о главах будущего романа «Взвихренная Русь» (1927), первоначально публиковавшихся в 1918–1924 гг. в периодических изданиях под заголовком «Всеобщее восстание: Временник Алексея Ремизова».

¹⁰⁹ *Владимир Александрович Амфитеатров-Кадашев* (1888–1942) — публицист, прозаик, драматург, критик, переводчик; сын писателя А.В. Амфитеатрова.

¹¹⁰ Речь идет о берлинском издательстве «Грани», выпускавшем одноименный литературный альманах под редакцией А. Черного. В 1923 г. произведения Ремизова в «Гранях» не печатались.

¹¹¹ Подразумевается номер телефона в Берлине, соответствующий району города. Ремизову был известен аналогичный номер издательства «Эпоха» (ZENTRUM 59-61), во главе которого встал видный член партии меньшевиков *Соломон Гитманович Каплун-Сумский* (1883, по др. свед. 1888, 1891 — 1940).

¹¹² *Анна Евгеньевна Чикаленко-Келлер* (1884–1964) — журналистка, переводчица, библиограф, публицист, дипломат, активистка международного женского движения; в 1926 г. вышла замуж за немецкого философа и филолога Зигмунда Келлера.

¹¹³ Речь идет о будущем известном художнике, искусствоведе и пропагандисте авангардного искусства *Луи Лозовике* (Louis Lozowick; 1892–1973) — уроженце

Украины, в 1906 г. эмигрировавшем в США; в начале 1920-х гг. начинал карьеру как обозреватель современного искусства и переводчик современной русской прозы (рассказов Вс. Иванова, Б. Пильняка и И. Эренбурга), публиковался в международном журнале современного искусства “Broom” (ноябрь 1921— январь 1924; Рим, Берлин, Нью-Йорк; ред. Н. Loeb, А. Kreymborg). Встреча Ремизова с Лозовиком состоялась благодаря С. Шаршуну, который представил своего знакомого как американского писателя, вознамерившегося переводить ремизовские произведения (см. примеч. 116). От Лозовика Ремизов узнал о публикации рассказа «Белое сердце» (на русском языке опубликован в 1921 г. в составе сборника «Шумы города») в английском переводе на страницах нью-йоркского журнала “The Dial” (1849–1929). Вскоре приписано нового знакомого было написано официальное обращение писателя в редакцию журнала с просьбой присылки экземпляра (Amherst. Series 1. B. 3. F. 1. P. 33). В выпусках журнала за 1921–1922 г. рассказ нами не обнаружен.

¹¹⁴ Подразумевается рассказ Б. Пильняка «При дверях» (1919; впервые в сборнике под ред. В.Я. Брюсова «Художественное слово» (1921); также публиковался под названием «Метелинка»). См.: *Pilniak B. At the doors* (translated L. Lozowick) // *Broom: An International Magazine of the Arts*. 1922. Vol. 3. № 1. Aug. P. 57–75.

¹¹⁵ *Александр Самойлович Элиасберг* (1878–1924) — переводчик, сделавший большой вклад в создание библиотеки русской поэзии и прозы начала XX в. на немецком языке; историк русской литературы; издатель; родился в Минске, с 1907 г. жил в Мюнхене; был близко связан с писателями символистского круга; в 1900–1910-е гг. получил признание как авторитетный литературный критик и переводчик, печатавшийся в русских модернистских изданиях. Его жена — художница Зинаида Николаевна Элиасберг (урожд. Васильева) с лета 1922 г., когда Ремизовы приехали в Мюнхен, стала многолетней корреспонденткой Серафимы Павловны Ремизовой. См. о Элиасберге: *Sippl C. 1) Verlage und Übersetzer in der Zwischenkriegszeit // Stürmische Aufbrüche und enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit / K. Eimermacher, A. Volpert (Hrsg.). München, 2006. S. 783–803; 2) Der Übersetzer Alexander Eliasberg und die russischen Literaten im Exil (Dmitrij Merezkovskij — Ivan Smelev — Aleksej Remizov) // Die russische Diaspora in Europa im 20. Jahrhundert. Religiöses und kulturelles Leben / A. Davids, F. Poljakov (Hrsg.). Peter Lang, 2008. Упоминания о нем см. также в жизнеописании Ремизова в первый год жизни в Берлине (*Обатнина Е.Р. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. С. 36*).*

¹¹⁶ Речь идет о письме С. Шаршуна от 6 июля 1923 г., в котором отправитель, не забывая своего «обезьяньего» звания — «кавалер и ос Обезвелоппала», писал: «Дорогой Алексей Михайлович, вчера уже вечером (выйдя от Вас) говорил с Louis Lozowick’ом — американским писателем. Он, оказывается уже выбрал один из Ваших рассказов. Очень Вас любит. Позвонит Вам (я дал адрес) <...> Ваш Шаршун-Ос» (Amherst. Series 1. B. 3. F. 1. P. 13–13a).

¹¹⁷ См. примеч. 105.

¹¹⁸ *Лев Соломонович Полак* (Поляк, 1880–1941, концлагерь Заксенхаузен) — специалист в области философии знания, философии права и морали, после октябрьского переворота эмигрировавший из России в Нидерланды. Речь идет о продаже в 1940 г. Полаку исторических документов, легших в основу второго тома книги «Россия в письменах». Тогда же Ремизов простился с альбомом оригинальных писем В. Розанова. В одном из инскриптов на книге «Кукха», адресованном С.П. Ремизовой-Довгелло, писатель упомянул о постигшей коллекционера в немецкую оккупацию трагической судьбе: «А Поляка угнали в Германию: погиб, несчастный!» (ГЛМ. Ф. 156. Тетрадь 8).

¹¹⁹ Ср. сюжет повести «По карнизам» (гл. «Gespenst»).

¹²⁰ См. примеч. 64.

¹²¹ Речь идет об издании романа Ремизова «Пруд» в переводе на чешский язык Л. Рышавого: *Remizov A. Rybnik: Roman / Překl. L. Ryšavy. Praha: Družstvo Přatel studia, 1923.*

¹²² *Лидия Юдифовна Бердяева* (урожд. Трушева, в первом браке Рапп; 1871–1945) — жена Н.А. Бердяева; поэтесса.

¹²³ Балтийский морской курорт Бергхауптен в регионе Макленбург (*нем.*).

¹²⁴ Речь идет о публикации рассказа «Голодная песня» (*Die hungrige Weise / Übers. K. Rosenberg // Das Tagebuch. 1923. № 29, 21. Juli. S. 1045–1047*), по поводу которой переводчица не без огорчения писала Ремизову: «Вот появилась “Голодная песня”, к сожалению с ошибками в печати: заглавие же — правильное и дальше пропускали <sic!> целую фразу — нечего делать!» (*Amherst. Series I. B. 3. F. 1. P. 43*).

¹²⁵ Неустановленные лица.

¹²⁶ *Сергей Яковлевич Осипов* (1888–1948) — бухгалтер; заведующий конторой издательства «Сирин» (1912–1915); торговый представитель советской России в Ревеле (1921–1924); князь и ключарь Обезьянвопала; биограф Ремизова, первый историограф Обезьянвель Великой и Вольной палаты. Подробнее о нем см.: *Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные... С. 233–238*, а также в материалах переписки: «В России, как встретимся, будем вспоминать». I. Переписка А.М. Ремизова с С.Я. Осиповым (1913–1923). II. Письмо В.Я. Шишкова к А.М. Ремизову (1921) / Публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 218–265.

¹²⁷ Подразумеваются произведения Ремизова, изданные до революции, которые он не смог взять с собой, уезжая из Петрограда. Восстановить собственную библиотеку писателю помогал Осипов, жена которого часто приезжала из Петрограда в Ревель.

¹²⁸ *Татьяна Николаевна Гиппиус* (1877–1957) — художница; сестра З.Н. Гиппиус. См. о ней: А.А. Блок. Письма к Т.Н. Гиппиус / Публ. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 209–214. См. также библиографию о ней в статье: *Павлова М.М.* К истории неохристианской коммуны Мерезжовских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1 // *Русская литература. 2017. № 3. С. 222*. По-видимому, речь идет о книгах для передачи Ремизову из Петрограда.

¹²⁹ *Илья Исидорович Фондаминский* (псевд. Бунаков; 1880–1942, Освенцим) и *Марк Вениаминович Вишняк* (1883–1976) — редакторы журнала «Современные записки», наряду с Н.Д. Авксентьевым, В.В. Рудневым и А.И. Гуковским.

¹³⁰ Речь идет об учредителе, владельце и редакторе берлинского издательства «Геликон» *Абраме Григорьевиче Вишняке* (1895–1943, в Освенциме). См. о нем., в частности: *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: Под колесами времени. Книги первая, вторая, третья / Подгот. текста, предисл., коммент. Б.Я. Фрезинского. М., 2017. С. 378, а также: А.М. Ремизов. «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. / Вступ. заметка и коммент. Е.Р. Обатниной; Подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // *Литературный факт. 2018. № 7. С. 72*.

¹³¹ Действительные родственные связи А.Г. Вишняка и М.В. Вишняка не прояснены. Ср. также их различие, отмеченное Эренбургом в первой редакции книги «Люди, годы, жизнь» в связи с обстоятельствами издания его романа «Хулио Хуренито» в Берлине: «Мой “Хуренито” был издан в “Геликоне”. Узнав, что издателя зовут Вишняк, я смутился: эсер М. Вишняк в журнале “Воля России” проклинал всё, что связано с Советской Россией, но мой Вишняк оказался другим» (Цит. по: *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. С. 626).

¹³² *Макс Эйтингон* (1881–1943) — уроженец Могилева, с детских лет (с 1893 г.) жил с семьей в Германии; ученый-психоаналитик, ученик З. Фрейда. Осенью 1922 г. произошло знакомство Эйтингона с Л. Шестовым, который, приезжая в Берлин,

с этого времени останавливался в его особняке в престижном районе Тиргартен-парк. Тогда же дом Эйтингона открылся для отдельных представителей русской диаспоры. (см. примеч. 46). Подробнее об ученом и его контактах см.: *Хазан В.* «Благодаря вам отчасти он мог продолжить свою работу до конца»: Лев Шестов и Макс Эйтингон. С. 4–39. При переезде в Париж, как и в последующие годы, Ремизовы неоднократно пользовались финансовой поддержкой семьи Эйтингонов благодаря особому расположению к ним супруги ученого — Мирры Яковлевны (урожд. Буровской; 1877–1947).

¹³³ Имеется в виду посещение особняка Эйтингона на Rauchstrasse 4.

¹³⁴ Подразумевается миниатюра из главки «Завитушка» (см. примеч. 53). «Звено» — еженедельная литературно-политическая газета, ред. П.Н. Милюков и М.М. Винавер (1923–1926); выходила как приложение к газете «Последние новости».

¹³⁵ Речь идет о публикации глав романа «Плачущая канава» (в первой печатной редакции озаглавленного «Канава») в пражском журнале «Русская мысль» на протяжении 1923 г.

¹³⁶ Шуточное именование чешских денежных единиц, ассоциированное с фамилией Надежды Филаретовны Мельникова-Папоушковой (1891–1978) — критика, переводчицы и общественной деятельницы эмиграции, жившей в Праге. См. о ней: Литературный факт. № 8. С. 37 (примеч. 112).

¹³⁷ Гарц — горный район на севере Германии.

¹³⁸ Курс валют, сводки которого Ремизов аккуратно вырезал из газет и сохранял.

¹³⁹ Новелла Т. Манна «Тонио Крёгер» (1901).

¹⁴⁰ Речь идет о письме переводчицы *Гертруд Ган* (Gertrud Hahn), отправленном из Мюнхена 22 июля 1922 г. (Amherst. В. 3. F. 1. P. 45–45a), в котором сообщалось о судьбе книжного издания перевода на немецкий язык ремизовского цикла легенд «Цепь золотая» (*Remisow A. Die goldene Kette: Weltpassionen. Altrussische Legenden / Übers. und mit einem Nachw. versehen von G. Hahn. München: Pflüger Verlag, 1923*). Подробнее о Г. Ган см.: *Поляков Ф.* Алексей Ремизов и его переводчики в Германии: Архивные материалы (I). *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz / Ed. by C. Ciepiela and L. Fleishman. Stanford, 2014. Part I. P. 327–329 (Stanford Slavic Studies, vol. 45)*.

¹⁴¹ *Мария Константиновна Гржебина* (урожд. Дореомедова; 1880–1968) — жена З.И. Гржебина.

¹⁴² Об этом переводе ремизовской пьесы «Бесовское действо» (1908) см.: Литературный факт. 2018. № 8. С. 22.

¹⁴³ А.А. Шрейдер. См. о нем: Литературный факт. 2018. № 7. С. 77.

¹⁴⁴ Позднейшее дополнение в текст оригинала (см. Приложение. С. 85–86). Речь идет о придуманной Ремизовым денежной единице, имевшей распространение в Обезьяньей Великой и Вольной палате. Несмотря на очевидную связь темы независимых денежных единиц с инфляцией в Германии, возникновение подобных фантомов в ремизовском игровом пространстве было связано прежде всего с ситуацией революции, гражданской войны и нэпа в России, когда на протяжении 1917–1924 гг. на территории бывшей Российской империи получили хождение от 2 до 5 тысяч денежных систем. В частности, новые деньги были выпущены в Крыму, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Туркестане, Иркутске, Чите, Владивостоке, Хабаровске, Архангельске и на Кавказе. Обезьянья «валюта» была введена в оборот указом царя Асыки, одна денежная единица (Löwen) имела исчисление в 1 квадрат — люп. Управляющим казной («упказом») Обезвелволпала в Берлине был избран А.В. Бахрах. Ср. запись канцеляриста С.Я. Осипова, составившего в 1922–1924 гг. историографию Обезвелволпала и со слов Ремизова записавшего историю происхождения «люнов»: «По примеру того времени, когда каждый уважающий себя город РСФСР печатал и выпускал в обращение свои собственные

деньги, например деньги средней <?> и цент<ральной?> Укр<рины?>, Обезьянья Великая и Вольная Палата также выпустила свои денежные знаки “лионы”. Изготовлены деньги чрезвычайно искусно, всё, от подписи царя Асыки до Бахраха указа, как нарезано тончайшей комариной ножкой. По слухам, одно время Нью-Йоркская биржа очень интересовалась этой новой валютой, на нее был бешеный спрос, и несколько новых америк<анских> миллиардеров положили тогда основание своим состояниям, играя на повышение “лионов”. Однако все сделки происходили чисто по-биржевому, на записях, без наличности самой валюты. Да и трудно было сделать иначе, т.к. единственный “лион”, выпущенный в обращение, крепко был запрятан великой (собрательницей) коллекционершей денег, Серафимой Павловой» (РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 13. Л. 38). О «лионах» см. также: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные... С. 132–133.

¹⁴⁵ В тексте оригинала эта фраза, судя по разнице тона чернил, во время переписывания взята в квадратные скобки.

¹⁴⁶ Подразумеваются сроки продления временного паспорта.

¹⁴⁷ Очевидно, владелец курортного пансиона.

¹⁴⁸ Бергхауптен — курорт, расположенный у подножия Шварцвальда. Речь идет о знаковых (?) Е.Г. Лундберга.

¹⁴⁹ В письме от 19 июля 1923 г. Гиппиус писала по поводу воспоминаний «Розанова письма», напечатанных в парижском «Окне» (см. примеч. 50): «Я не видела “Окна” и не знаю, что <именно?> <напи>сал Ал<ексей> Мих<айлович> про Розанова, но видела <в газ>етах что-то, и очень хочу знать <верно?> ли, что он такие интимности напи<сал> <...>, которые бы не надо ни про живого <ни про> мертвого? <...>» (Письма З.Н. Гиппиус С.П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941) / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. Е. Обатниной; в печати).

¹⁵⁰ Д.А. Уманский в письме от 23 июля 1923 г. сообщал о своих планах подготовить перевод «Трагедии о Иуде принце Искариотском», а также опубликовать на немецком языке ремизовские рассказы 1916 г. из цикла «Среди мурья и неурядицы».

¹⁵¹ *Герберт* (Герберт-Отто-Христиан-Карл) *Рудольфович фон Гёрнер* (Herbert Otto Christian Carl von Hoerner; 1884–1950) — уроженец Курляндской губернии; в 1919–1920 г. доброволец Балтийского ландесвера; переводчик, поэт, художник и писатель. Речь идет о переводе книги Ремизова «Трава-мурава: Сказ и величание». (Берлин: С. Ефрон, [1922]), составленной из пересказов народных легенд. Признавая художественную ценность этих текстов, Гёрнер отказывался от перевода книги: «Разные есть причины, почему не решаюсь перевести Вас, а главная причина, по откровенности, та: что мне слишком трудно. Не хватает у меня знания языка. Особенного древнего русского языка» (Amherst. Series 1. B. 3. F. 1. P. 47b).

¹⁵² Мышиный жеребчик — устаревшее ироническое выражение, обычно характеризующее типаж молодящегося старика, дамского ухажера. Встречается в поэме Гоголя «Мертвые души»: «Он непринужденно и ловко разменялся с некоторыми из дам приятными словами, подходил к той и другой дробным, мелким шагом, или, как говорят, семенял ножками, как обыкновенно делают маленькие старички-щеголи на высоких каблуках, называемые мышинными жеребчиками, забегающие весьма проворно около дам» (Т. 1, гл. 8).

¹⁵³ См. примеч. 140.

¹⁵⁴ Валютный курс.

¹⁵⁵ Возможно, планы А.С. Элиасберга были продиктованы ситуацией вокруг Нобелевской премии по литературе, претендентом на которую в 1922–1923 гг. считался М. Горький (см. об этом: Письма З.Н. Гиппиус А.С. Элиасбергу / Вступ., подгот. текстов и коммент. В.Н. Терехиной // Зинаида Гиппиус: Новые материалы. Исследования. М., 2002. С. 150–151).

¹⁵⁶ Л.И. Львов.

¹⁵⁷ *Николай Владимирович Станюкович* (1898–1977) — участник белого движения; в эмиграции писатель, критик.

¹⁵⁸ Дивилин — соученик Ремизова по начальной гимназии упоминается в книге воспоминаний «Подстриженными глазами» (Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М., 2000. С. 39). Каменщики — улицы (Большие и Малые Каменщики) в Таганском районе Москвы, расположенные в непосредственной близости от ул. Земляной Вал, где вырос писатель.

¹⁵⁹ Бад-Зудероде — бальнеологический курорт, расположенный в северо-восточных отрогах гор Гарц (земля Саксония-Анхальт).

¹⁶⁰ Речь идет о продуктовых очередях.

¹⁶¹ Подразумевается предложение Шестова Ремизову приехать в Париж, чтобы на вечерах чтения заработать денег на переезд во Францию. Осенью 1922 г. подобный план обсуждался в связи с инфляцией. Ср. письмо Л. Шестова от 10 ноября 1922: «По-моему, тебе нужно приехать решиться. Ну, что с того, что один нигде не ездил? Сейчас еще время, а там начнут для других вечера устраивать и места для тебя не будет. Если же теперь приехать — увезешь 1000–1200 фр<анков> — до лета проживешь. Иного способа я не вижу и очень боюсь, если долго колебаться станешь, и эта возможность уйдет. Нужно ковать, пока горячо» (Amherst. Series 1. В. 1. F. 6).

¹⁶² Сестры Черновы (см. примеч. 66).

¹⁶³ Письмо К. Розенберг от 28 июля, в котором переводчица сообщала о публикациях и гонорах за переводы на немецкий язык рассказов «Жизнь бессмертная» (см. примеч. 34) и «Голодная песня» (впервые опубли. в сборнике «Шумы города». Ревель, 1921). См.: *Remisow A. Die hungrige Weise / Ubers. K. Rosenberg // Das Tagebuch. 1923. № 29, 21. Juli. S. 105–104.*

¹⁶⁴ «Сполохи» — литературно-художественный и общественный ежемесячный журнал (ред. А.М. Дроздов, Е.А. Гутнов, В.Я. Ирецкий, Б.О. Харитон; ноябрь 1921 — июль 1923).

¹⁶⁵ Перевод Д. Уманского рассказа «Пупочек» (1913): *Das Nabelchen / Ubers. D. Umanskij // Prager Presse. 1923. № 192, 15. Juli.*

¹⁶⁶ Подразумевается цикл новелл, объединенных названием «Вереница». Опубли.: *Жар-Птица. 1923. № 10. С. 33–35.*

¹⁶⁷ Львовы.

¹⁶⁸ См. примеч. 54.

¹⁶⁹ Речь идет о последствиях гиперинфляции.

¹⁷⁰ А. Шрейдер См. примеч. 143.

¹⁷¹ *Соломон Владимирович Познер* (1876–1946) — издательский работник в Петрограде 1910-х гг., общественный деятель; эмигрировал в 1921 г. как представитель Книжного отдела Петроградского Дома Литераторов; жил в Париже, активист Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, с 1924 г. — секретарь Комитета; отец поэта В.С. Познера, который до 1921 г. состоял в литературном объединении «Серрапионовы братья». Ремизов получил от Познера открытку, отправленную из Парижа 25 июля 1923 г. (получена в Берлине 30 июля), в которой речь идет о 200 франках, выделенных писателю Комитетом (Amherst. Series 1. В. 3. F. 1. P. 51). О Познере как секретаре Комитета см. в публикации переписки Членов Комитета с литераторами, в частности с Ремизовым: *Кельнер В.Е., Познер В.* Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции. (Из архива Соломона Познера) // *Russian Studies. 1994. I (1). С. 268–313.*

¹⁷² См. примеч. 61. *Марк Львович Слоним* (1894–1976) — политический деятель, член партии эсеров, критик, публицист; в эмиграции в 1922 г., переехал из Берлина в Прагу, где был соредактором журнала «Воля России» (1922–1932). Подробнее о нем см.: *Малевич О.* Три жизни и три любви Марка Слонима // *Евреи в культуре русского зарубежья. Т. 3. С. 73–100.*

¹⁷³ См. примеч. 17, 18.

¹⁷⁴ Биографические данные не установлены.

¹⁷⁵ Подразумевается книжная новинка 1923 г. — сборник рассказов немецкого поэта-экспрессиониста, писателя и драматурга *Альфреда Бруста* (1891–1934) «Небесные дороги» (*Brust Alfred. Himmelsstrassen. München: Kurt Wolff-Verlag. [1923]*).

¹⁷⁶ См. примеч. 19, 20.

¹⁷⁷ См. примеч. 49.

¹⁷⁸ Алексеев Г.В. (см. о нем: Литературный факт. 2018. № 7. С. 72, примеч. 39). Речь идет о сборнике очерков, посвященных литературным портретам эмиграции: *Алексеев Г. Алексей Ремизов // Алексеев Г. Живые встречи. Берлин: Мысль, 1923. С. 5–10.*

¹⁷⁹ *Рудольф фон Шольц* (Rudolf von Scholtz; 1890–1956) — переводчик, писатель, политик. См. о нем: Поляков Ф. Алексей Ремизов и его переводчики в Германии: Архивные материалы (I) // *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz / Eds. Catherine Ciepiela and Lazar Fleishman. Part I. Stanford, 2014. P. 336–337 (Stanford Slavic Studies, vol. 45).*

¹⁸⁰ *Евгений Васильевич Аничков* (1866–1937) — историк литературы, прозаик, публицист; эмигрировал в Сербию в 1918 г., с 1920 г. — профессор Белградского университета. Творческие контакты Ремизова с ученым-филологом, фольклористом, медиевистом, завязавшиеся в 1905–1907 гг., опирались на интерес писателя к исследованиям по сравнительной мифологии, которой занимался Е.В. Аничков как талантливый ученик А.Н. Веселовского — основателя этого направления отечественной филологической школы.

¹⁸¹ Речь идет о переводе на сербскохорватский язык легенды «Лис преподобный» (впервые: Красный балтиец. 1920. № 7), вошедшей в книгу «Шумы города» (Ревель, 1921): Лис Преподобни / Прев. И.С. // Српски књижевни гласник. 1922. Књ. 1, 1 Јун. С. 177–183.

¹⁸² *Евгений Германович Лундберг* (1883–1965) — прозаик, критик, издатель. См. историю его отношений с Ремизовым в вступ. статье к публикации: Е.Г. Лундберг: I. Автобиография (1913). II. Письма к А.М. Ремизову (1910–1918) / Публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 314–367; см. о нем в Берлине 1921–1922 г.: *Обатнина Е.Р. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. С. 22–23.*

¹⁸³ *Соломон Гитманович Каплун-Сумский*. См. о нем: Там же. С. 68; см. о нем и его издательстве «Эпоха»: *Вайнберг И.* Берлинский журнал Горького «Беседа», его издатель С.Г. Каплун, поэт В.Ф. Ходасевич и другие (по неизвестным архивным материалам и неизданной переписке) // *Евреи в культуре русского зарубежья / Изд. и сост. М. Пархомовский. Т. 4: 1939–1960. Иерусалим, 1995. С. 187–207.* Очевидно, что в письме Каплуна шла речь о публикации ремизовского цикла «Россия в письменах: Парижский клад» (см. примеч. 99).

¹⁸⁴ Подразумевается корректура книги «Кукха. Розановы письма».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Charlottenburg 1
Kirchstrasse 2 II
Frau S. Remizova
Bei Delion
6.I. вечером, увы!

<На открытке с надписью “Eingang ins Bodetal”>

Деточка, поздравляю с Рождеством!
Здесь лежит снег, намело сугробы:
едва добрел до почты
и так блестит
и скрепит всё
снегохруст —

твоя нянька Анисья
бесприютная.

7.1.23.

Только что собрался уходить, позвонили из «Бристоля»: просят
в ½ 7-го.

Ну, ладно.

Алексей Ремизов.

10 марта 1923
40 Märtyrer (40 мучеников)

А больше никто не звонил.
Книги надписал.

8 апреля 1923
Berlin NW 23
Lessingstr<asse> 16
bei Diepow

<На открытке с надписью: “Herzliche Ostergrüsse!”>

Поздравляю тебя, деточка, Христос Воскрес! Это нянька тебе твоя
пишет старуха Анисья.

Которая это Пасха, я уж и счет позабыла, а сколько впереди — не
загадываю.

Не может нянька больше книжков издавать, это ее сейчас
и беспокоит, даже и на Пасху.

А это кум нянкин. Кузьма Кумилин, который служил в Севпросе
курьером.

<Открытки с изображением видов: Werder. Wachtelburg. Baumblüte in Werder. Blick auf die Havel. Bad Kudowa.>

<Пояснительная надпись Ремизова:> 9.7. — 17.7.1923 Kudowa in Schlesien.

9 июля 1923
понедельник
Berlin
№ 1

Где-то ты теперь, деточка, бродишь
— уж ночь скоро
нашла ли себе пристанище?

Что-то чувствуется мне, что трудно. Утешаю себя: первое время и в раю человеку трудно!

½ 11-го, а уж глаза на сон смотрят.

Пью чай один.

Утром звонил Кобелянс<кий> <М. Копелянский>. И сегодня уж к вечеру, как с тобой уговаривался, так всё и сделал: теперь из 5-и стало 4 раздельно и восемьсот.

Кобелянский советует: ванны (билетики) брать на неделю. Спрашивает, есть ли там отделения банков — Дрезденского, Deutsches, Disconte, Kommerzprivat. Если найдутся, то проще всего деньги перевести через банк.

Да, деточка, куда надо отнести Frau Karos корзиночку из-под ягод? На Flensbourger<strasse>?

Обегала она всю Lessingstr<asse> — не наша, говорят.

Кроме Кобелянского (вечером) днем заходил Лоллий <Львов>.

— Ты уехала на неделю к знакомым.

Ничего. Так полагается. Принес мне от Струве — это не сербский журнал, а болгарский «Хиперион».

Я написал в «Хиперион» открытку, чтобы выслали.

Гонорара там не полагается.

А переведено «О судьбе огненной» (слово Гераклита).

М<жду> п<рочим>, напечатано не Гераклит, а Демокрит и Сергей Ремизов.

Хорошо!

Нафталину купил. Пересыпал. Шкап заклеен. Друг<ие> вещи в картонку.

Никто не звонил.

Письма: 1) тебе от Люб<ови> Исааковны <Красильщик-Трапезниковой>. Спрашивает, получила ли ты открытку от 16.6? (получила 22.6); что в Москве жарко, о К<лавдии> Н<иколаевне> <Ва-

сильевой» и Андр<ее> Белом, а просит совсем уничтожить страницу этого письма (не разбираюсь как следует, в чем дело); две травки с могилы Софьи Яковлевны <Красильщик>.

Шапская уехала уж. Елиз<авета> Ив<ановна> <Дмитриева> все-таки достанет «рукопись». Спрашивает Л<юбовь> И<саковна>: не желаешь ли, чтобы эта рукопись у нас хранилась? (Это — Тышка?)

2) мне от Закатимова. Я ему отвечу, попрошу разыскать книги — «Иуду», «Бес<овское> д<ейство>».

3) — (открытка) <от> Алданов<а>, что во вторник могут прислать деньги (Да, звонил Бахрах и я ему передал, чтобы он сказал, что денег мне не надо присылать).

4) 5) от Уманского утром, вечером. Всё о переводах пространно.

6) от Kaiser'a (по-немецки) (открытка). Пишет, что Fischer будет издавать «В поле блакитном», просит для “Neue Rundschau” рассказ (завтра позвоню Розенберг), и просит “Sofort” повидаться с Lörke. Придется завтра идти к ним — в редакцию.

Ну вот, видишь сколько.

Вернешься, то-то чтения будет на часы!

Эх, деточка, деточка!

Тороплюсь (а выходит, конечно, медленно), переписываю для Шкловского.

И уж ничего не делал больше и завтра придется сидеть.

“Kohlen”-ы привезут завтра — 10 центнеров à 30000 <марок> + à 1000 <марок> = 310000 <марок> — в 3-и приема.

Вот, деточка, такие пустяки, а писал я ровно час.

До чего у меня всё медленно!

Видел сегодня, как перед нашим окном автомобиль наехал на старуху.

Я видел в ту минуту, когда он затормозил — а из-под колес крикнуло десять горл.

По ногам пришлось, старуха поднялась. И пошла: она соседская, напротив живет. И странно, я издали видел ее лицо, страшно отчетливо зеленое с черными губами. Должно быть, очень испугалась, а не от боли. Она дошла до дверей, и тут ее под руку взяли. Потом дети очень плакали: испугались. Бабушка, может быть, внучёнки.

Ну, пора, купайся, деточка, в ваннах.

Berlin 1923

10 июля

№ 2

Видел во сне Распутина.

Еще видел: ночью стук, я выскочил и попал в комнату Dielow'a, а в прихожую не попасть — заперто. Вернулся, а какой-то в форме (так у нас инженеры носили — путейцы), худой, высокий, около электрической лампы что-то смотрит. И тут же ты стоишь. И всё у нас перевернуто — ночь ведь, спали.

— В чем дело?

— Электричество проверяет.

½ 12-го ночи

А клюю носом, деточка.

Еще немножко посижу и спать: завтра рано надо.

Приходил днем Лоллий. И я вышел с ним: был в Fischer Verlag у Lörke, там встретил Розенберг. Говорили о переводах. Зашел к Кирхнеру («Парус») — Плетнев нездоров (Это я всё о «Бесовском» действ^e). Встретил Муратова. Говорил он мне об актере Завадском, к^{ото}рый зайдет к нам (он из Москвы) для разговора о «Иуде». Вот кому я не верю — актерам. Сколько было всяких разговоров. В «KDW» купил бумагу (линованную) и конвертов. Встретил Левенсона. Попросил его послать в Вену книжку Уманскому («В поле блакитном» скоро всё разойдется совсем). *Когда надо, он даст экземпляры.* Потом Бахраха встретил, жалуется, — Заблудовская не хочет ему «Окно» давать.

Зашел, купил сигар, чтобы дополнить пачку. И с той поры сижу. Завтра Шкловский придет.

Маловато у меня вышло.

Поздно вечером заходил Шаршун.

Я дал письмо В^{еры} Вас^{ильевны}. Написал адрес Ек^{атерины} Вл^{адимировны}. Попросил объяснить, что тебя нет дома.

Одно единственное письмо — от Шестова.

«Завитушку» — не берут ни «Звено», ни «Современные записки».

А ему она очень нравится.

Рукопись обещает привезти.

По расчетам, он должен на днях прислать.

Страшно боюсь проспать.

— Это я ходил — оттого так устал смертельно.

Прочитал сегодня в газетах (Berliner Tageblatt) про остров Sylt — это рядом с Föhr'ом.

Любопытно.

Деточка, пойду спать, — глаза закрываются.

Напомни мне рассказать тебе, как в табачном магазине, это около Bellvue, хозяин застрял между прилавком и выходом в магазин.

Я видел, как распиливали прилавок, чтобы освободить.

Какой у того вид был, у застрявшего (похож на Левенсона).

Ну как-то ты там.

Ой, жарко, наверное!

11 июля

Сейчас иду опускать письмо.

Едва проснулся в 6-ь утра — а в Wohnungsamt не удалось.

До пятницы.

Одно письмо — от Уманского (всё о переводах предполагаемых).

Berlin 1923

Напис<ал> 10.7

Получ<ил> 11.7

№ 3

Получил твое, деточка, письмо сегодня. Послал тебе 800.000 — это гонорар через Шкловского из «Нов<ого> Огонька» за «Птичку» (про Мильду) — 400 строк. Я был в редакции на Vambergerstr<asse> 39 и оставил Сны (20-ь) — ½ листа. О них еще будут думать. А вот беда — «Завитушку» не знаю, куда поместить (куда? — куда? — —). Может быть, в «В<олю> Рос<сии>». Хоть бы это Лисевна <О.Е. Чернова>, впрочем, всё равно, от нее, как с козла молока. Хотел деньги послать Wertbrief, но на почте сказали, что так вернее. Чехо-словак не пришел (звонил). Был Бахша <sic!> один, принес книгу: завтра уезжает и надолго в Париж. — Мы все в Париж провожаем: Куринаса <вписано поверх затертого слова>, Шаршуна, Бахшу. Клялся и божился, что будет писать (хабар принес — хороших сигар). Сейчас уж 12-ь <часов>, а я ничего, п<отому> ч<то> завтра не идти, а вот в пятницу. Днем заходил Лоллий: ему передал Лукаш, что деньги 20-го получу из Праги.

Окна теперь отворяю только по заходе солнца. А то пыль и шум. Сегодня F<гау> Karos подоконники мыла. О корзиночке-то напиши, куда ее отдать?

Представляю твою дорогу, беда это, когда дурак наумничает! Наверное, церковь есть, пройди непременно.

Если увидишь, что есть польза, потерпи уж.

Тут жара злющая, но я не замечаю. Я вижу, как тут мытарятся, ожаренные.

Кроме как Уманского не было писем.

Посылаю тебе вырезку: о штанах и описание наружности Ленина. Сохрани!

Уж очень мне понравилось.

Ну до свидания, детяточка.

Пиши же, как-что.

А.Р.

Berlin 1923

12 июля 1923

№ 4

Письмо одно — от Забудовской: пишет, что «Окно» послано еще 1 экз<емпляр>.

Видел во сне Плевицкую (Был счет за газ и телефон 44.400 <марок> и 1.800 <марок>.) 5 центнеров принесли сегодня. Fr<au> Karos пойдет искать, еще где бы найти, а вот обманывают.

Деньги, которые послал в Finanzamt, вернулись!

Как и в прошлом году, чего-то неправильно написал.

Дознались, конечно.

Потом я сегодня сделал героический шаг — потому, д<олжно> б<ыть>, сейчас упала энергия — пошел я к Гржебину и отдал «Розановы письма» на издание по 3000 экз<емпляров> и получил 40 «Диповских» (на четыре месяца обеспечено житие).

«Скифы» же давали (как я выяснил) всего 10-ть!

Гржебин кланяется тебе (ничего я не сказал, где ты). В среду уезжает: 2 припадка было.

И что мне тут понравилось: Гржебин ведь не читает, просто взял, а в «Скифах» было бы, против всего, еще и обсуждение.

Был у Аренштама <sic!>. Еще раз в субботу и он кончит портрет (карандашом). Это для «Н<ового> огонька». Представь себе, встретил там Вырубова, который «Иуду» взял и пропал. А он так, как будто и ничего. Хоть бы извинился, дурак.

Чернила расплываются (надо будет купить). Это от жары. Звонил Лоллий — верный человек.

Вот уж несколько дней под окном раздается:

Heir Remi — zow. Это ребятишки.

А.Р.

Вот сейчас принесли телеграмму твою.

Не напутали ли, как и во всем, адрес. Каждый день пишу. Первые письма по такому адресу: Kudowa — Sackisch, Schlesien, Postlagernd. Теперь Villa Hildegard.

Может быть, надо просто писать:

Bad Kudowa?

Ну, теперь-то ты должна получить письма.

Не беспокойся, деточка.

А.Р.

Berlin 1923
13 июля 1923
№ 5

Сегодня был самый жаркий день + 34 R. Меня проняло. И только сейчас (11 ч<асов> вечера) стало чем дышать. Утром послал тебе телегр<амму>. Я видел, как написали не “Sackisch”, а что-то вроде “Kgist-lisch”. Это меня больше всего смущает, что адреса путно не знаю. На карте Kudow’у нашел.

Писем 2: от Алданова: дам ли я чего-нибудь в «Дни».

От Лутохина: как он живет в Праге и что книг, какие я ему предлагаю, ему не надо, а он напишет, какие.

Звонила Н<ина> Григор<евна>.

Был Шрейбер и Люб<овь> Яковл<евна> <Яппу-Залкинд>, тебе она принесла немного русских.

Прошлся Никитин. Заходил с ним к Блоху (вчера был Блох, забыл совсем, с Никитиным), много получил книг (все к тебе на стол кладу), и Кузмина он даст с автографом, только это не «Сети».

Очень долго объяснял всё сначала о Соколовском.

Удалось достать без карточки 5 центнеров. Всего у нас по расчету Fr. Karos — 15-ть. Был у переплетчика: за 40000 <марок> 2 книги.

Шум почему-то ужасный. Никогда такого не было. Разговаривать — не слышно, что говорит. Лоллий узнал только от Аркадия <Бормана>, что он ничего не продал, а книги оставил — их разыграют. А когда, не узнал. Свинство — свинство — свинство.

Из Вены приехал Arbeiterzeitung — там переведено “Das Wunder” (чудо). Можно ли здесь курить? — “Darf hier geraucht werden?”.

Оказывается, немцы вообще любят страдательный залог.

Это мне Гессен сын сказал. С.О. <sic!>

Никитин просил тебе кланяться.

И Frau Karos. Пью молоко.

Kaiser’у написал. Сегодня с поправками Шрейбера.

Ох, деточка, как подумаю, как-то ты там одна. И со всякими путаницами. Денег я тебе еще пришлю. Хоть бы скорее вспомоществование дали. И ответ из «Огонька».

А как подумаешь о «Завитушке», — если в «Дни»?

Или не стоит?

Рукопись у Шестова.

½ 12-го. А.Р.

Berlin 1923
14 июля
12 ч<асов> н<очи>

Сегодня меня Лоллий терроризировал: он пришел в 8 ч<асов> утра! И меня сбил со всяких мыслей. Я только очнулся к вечеру — просто никак не мог сообразиться, точно потерял что-то и ищу. Вечером он был и Н<ина> Г<ригорьевна>, и я сказал об этом. Но не обидно нисколько. Хотя сам очень сердился весь день (Дн<ем> вчера Шрейбер поправил электричество). Был чех, ушел, явился Смирнов с Зарецким. И вот только что ушли. Сердится на них на всех. Такой шум. С закрытыми окнами приходится — почему-то и трамвай и машина стучат немилосердно. Сейчас тихо. Из газет: назначен новый начальник Fremdenamt'a. Пишут, что рус<ским> будет легче (Трамвай с понедельника — 3.000 <марок>; хлеб — 21.000 <марок>, молоко — 4.000 <марок> с чем-то).

Одно письмо тебе — от М.М. Шкапской. Адрес ее: Феодосия, Коктебель, Волошину, для нее.

Аронштам <sic!> кончил мой портрет. Он поговорит еще об одном рассказе для «Огонька» за ту же сумму.

Чеха просил о бисере.

Ну что же еще, деточка? Очень пыльно и пёкло, ты бы тут измучилась. Хочу совсем остричься.

Вот скоро неделя, как ты уехала. Мало я так сделал, всё хочу, чтобы к твоему приезду побольше.

И денег.

Все-таки завтра опущу это письмо, хотя по воскресеньям почта не действует.

А.Р.

15 июля

Сейчас получил твое письмо от 13.7. И звонил Борис <Каган>, что дня через 3-и приедешь. Боюсь, что в Elster'e сейчас много народу. Поезди по окрестностям. О деньгах не беспокойся. Утром писем не было.

Berlin 1923

15 июля 1923

№ 7

Сегодня просидел тихо весь день. Никто не был. Сначала такая жарыща — 35 R (окна приходится закрывать от пыли). И к вечеру гроза. Но не долгая — ½ ч<аса>. Но с ветром ужасающим: деревья гнулись.

Весь день прозанимался рукописями (Позавчера встретил Бахраха, который говорил Ходасевичу, и надо подать).

Звонила днем Лисевна. От Оли и Наташи <Черновых> нет еще никаких известий.

Просилась прийти. Я сказал во вторник. Про тебя ничего не сказал, что уехала. Какая досада, что у меня нет рукописи «Завитушки». Сейчас тут <В.И.> Лебедев, ему можно было бы дать для «В<оли> Рос<сии>». У меня есть экземпляр, только неразборчиво.

Ну, это я соображу. Переписывать же невозможно. Я всё время досаую.

Борис Каган сказал, что поезд приедет в 11 ч<асов> вечера.

Как ты справишься одна: автомобиль увеличено в 25 000 раз.

Если бы ты меня точно известила. Я как бы нибудь снес.

Завтра все-таки хочу за «Временник».

А то боюсь: и то упустить и это не кончить.

Беда прямо.

А на всё надо время — время.

Ну, деточка, скоро домой.

Ровно полночь.

А.Р.

Berlin 1923

16 июля 1923

№ 8

Сегодняшний день начался сердито: звонил Амфитеатров о рукописях, которые он передал в «Грани». «А о гонораре я должен звонить “Zentrum” и т.д.». Я наговорил ему жестоких слов (“Zentrum”, где Соломон <Каплун>, — никогда не дозвонишься). Обещал сказать, чтобы мне прислали. Звонила Анна Евгеньевна, спрашивала, предлагает идти в театр в субботу. Звонил Шрейбер — не приду ли обедать. Звонил Лоллий — где заложить шубу Н<ины> Г<ригорьевны>. Звонил Никитин — окончательно уезжает завтра, просит прийти в кабак.

Приходил переводчик на английский. Он узнал, что «Белое сердце» из «Шумов города» было напечатано в самом лучшем американском “The Dial” в прошлом году. Напишет письмо, и я подпишусь и пошлю. Не уверен он, что гонорар получу — много времени прошло — а экземпляры пришлют. Он меня ничего не читал. А пишет в английские (американские) журналы о рус<ской> литературе! Это он тогда Пильняка перевел, помнишь, я еще Лиры получил от Элиасберга. Чудные дела совершают<ся> на белом свете! Дал я ему книгу, обещает перевести (Это его Шаршун направил).

Вечером приходил Л<оллий> Ив<анович> и Н<ина> Г<ригорьевна>. Проверяли письма петровские.

Сейчас 12-ь ночи. Недавно ушли. В кабак я не пошел. Очень уж там нехорошо — это «черносотенный», и всего ожидать можно. Да и не хочется, простился я с ним. Довольно.

Днем прибрал комнату твою: книги.

Постучалась какая-то девочка:

«Не продаю ли я игрушки?»

В среду опять Fr. Karos достанет “Kohlen’ов”. Это моя первая сейчас забота: надо добывать.

Три письма: от Бахчи <А.Ф. Бакши> (из Баден-Бадена), — в Париж идет (жалко мне этого Бахчу-Сарая, наговорили на него невесть что!).

От Лутохина, что вышел “Rûbnik” («Пруд»).

От Л.Ю. Бердяевой — обоим, адрес их.

Ну вот, деточка, какой сегодня день. И сердитый!

Очень сердился.

Уж 4/17-го июля — твое рождение.

Поздравляю тебя.

Спать! Спать! Спать! Рано встаю.

А.Р.

<Телеграмма>:

Frau Remizow

Villa heldegard

14.7.1923

Berlin 1923

Täglich Schon vier briefe

Remisow

<Вклеено 3 железнодорожных билета>

<Вклеены открытки:

1. Gnadenkirche in Albendorf. Bez. Breslau.

2. Лестница в парке. Albendorf.

3. Ostseebad Brunshaupten in Mecklenburg>

<Позднейшая пояснительная надпись Ремизова:>

1923

8 авг<уста> — 25 авг<уста> вместе.

24.7. — 31.7 Brunshaupten in Mecklenburg.

Berlin 1923

24 июля 1923 (Dienstag)

№ 1

56-м очень хорошо. И знаю, где останавливается, когда подходит. И очень скоро, не заметил, и дома. Под дождем пробежался.

Маленький журнал “Das Tagebuch” 29 Heft. 21.7 напечатан “Die-hungrige Weise” («Голодная песня» из «Шумов города»), и 20 000 <марок> за «Находку» («Шумы города» — «Взвихр<енная> Русь») от Розенберг Ек.Г.

Звонил Ис<аак> Яков<левич> <Каган>, а вечером тебе письмо от Вер<ы> Вас<ильевны> <Каган>. Просит написать, как доехала.

Прибрал комнату — порядок навел везде — приходил не вовремя Лоллий. Потом Fr<au> Kagos. Звонил Шестов.

Получил письмо от Сер<гея> Яковл<евича> Осипова. Через неделю, 1 ½-ы будет в Берлине. Спрашивает, как послать из Петербурга: больше 2-х фунтов не разрешают. Надо сообразить, что нужнее (новый начальник). Обо всем этом он хочет поговорить и «подумать» при свидании.

Рукописи, конечно, можно пока и не брать. По-моему, книги, которых нету. Если бы знать, что Т<атьяна> Ник<олаевна> <Гиппиус> дала туда. Завтра же ему напишу.

Очень я устал как-то.

Пишу вслух.

Шестов просил прийти. Хоть и устал очень, все-таки пошел. Прочитал немного из «Рос<сии> в пис<ьменах>». Очень ему понравилось, боится, что в «Совр<еменных> Зап<исках>» не Фондамин<ский>, а <М.В.> Вишняк (не наш), не пропустит.

Эйтингон подарил «Экклезиаста» по-немецки. Оба проводили меня до дому.

Шестов советует послать в «Звено» один отрывок из Розанова о «попе Иване».

Говорит, если примет «В<оля> Р<оссии>», то это не беда. Не знаю я, как поступить. Или подождать ответа?

Деточка, если устроишься, хоть как-нибудь с купанием, купайся. Не беспокойся.

И скорее пиши адрес.

Не люблю писать на кого-то.

А.Р.

25.7

Одна открытка — от Ган <G. Hahn> насчет перевода.

Berlin 1923

25 июля

Сегодня тихий день. Целый день дождь. И холодно. Как-то ты там, деточка?

Туфли твои вычищены, стоят. Обещала Лисевна зайти, и не зашла. Может — если действительно поедет — с ней тебя послать? Был только Струве: принес оттиски и двести двадцать пять папуашек. Завтра едет в Nagz до 10-го августа. Сейчас везде полно и дорого — кофе 27.000 <марок>. А с 15-го и народу убавится и подешевеет. Он оставил свой адрес. Ар<иадна> Вл<адимировна> <Тыркова-Вильямс> и Г<арольд> Вас<ильевич> <Вильямс> приедут в сентябре.

(Сегод<ня> в америк<анских> 100 \$ = 600.000!). Заплатил за телефон разницу — 28.500.

Прочитал рассказ Томаса Манна “Tonio Kröger”— автобиографи<-ческий>. С глубоким сердцем написан.

Да, Ган пишет, что Pflüger Verlag обещает заплатить мне 5% по коэффициенту. И книга будто бы скоро выйдет. Не очень-то я этому верю.

Если бы, как сегодня, — Струве просидел не больше 10-и мин<ут>, сколько бы можно было сделать. Лоллий очень хороший человек — но я всегда раздражаюсь: меня раздражает его шумливость и рассказы из газет. Да, нам надо как-то переделать наше время. Надо побольше молчать. И уж само-собой не «спорить» — не убеждать кого-то.

Ну вот, лапусик мой, вот как.

А дождик-то, дождик. Только не осенний, очень большой.

26 июля

Тебе одно письмо — от М.К. Гржебиной (bei Dyplow!)

и Revue de Genève еще один № — предназначение сомнительное: д<олжно> б<ыть>, денег не пришлют.

А.Р.

Berlin 1923

26 июля 1923

№ 3

Вечером, деточка, только твое письмо.

Был в это время Зарецкий и Смирнов. Потом пришел Лоллий.

Сейчас же Зарецкий сделал упаковку — он, оказывается, специалист по этой части. И завтра же я отправлю тебе желтую кофточку.

Смирнов принес немного сахару. Зарецкий рисовал, что выходит, не знаю.

Потом приходил Шрейдер. Предполагается издание по-чешски «Рва львинного» по 300 кг. за лист приблиз<ительно> в 32.000 з<наков>. Ходил к Шестову со Шрейдером. Убеждаю его сейчас же потребовать гонорар. Это изд<ание> социалистов чешских. Шрейдер должен позвонить в понедельник.

То, что ты пишешь, всё это я чуял. Не верю, не верю я, это что-то такое путанное и без-глазое. И не от злого чувства, а по природной слабости. Так д<олжно> б<ыть> и в делах революционных. Сегодня американск<ий> доллар — 750.000. Вот, и поди тут. Зарецкий принес тебе много всяких бумажек для коллекции. До тебя не трогаю.

Боюсь, с паспортом не успеем до 4-го ав<густа>.

Подать прошение можно только 1-го (на неделю раньше). Я напишу, когда выслать желт<ый> паспорт.

Письмо идет день (пис<ьмо> от 25.7).

Да, холодно и тут, всего 10 °R.
О Париже я еще не говорил. Успею.

А.Р.

Кофточку наденешь, согреешься, и легче станет.
27 июля

Такой ударил сильнющий дождь, придется подождать. Почтальон: твое письмо от 26.7.

По-моему так: на сколько времени сговорилась там, поживи, и приезжай сюда. И тут окончательно решим: может, вернее к Möller'у. (В пансионах кофе 27.000 <марок>). В субботу придет Смирнов, я с ним поговорю. Вместе и письмо напишем Вере Васильев<не> <Каган>. Лундберговские хвосты едут в Brunshaupten. Это мне Шрейдер сказал.

Письма: тебе: З<инаиды> Н<иколаевны> <Гиппиус> (она о Розанове не читала),

мне от Уманского (о переводах).

От Höpner'a (не может переводить «Траву-мураву»).

Berlin 1923

27 июля пятница

№ 4

Вечером, деточка, писем не было.

Приходил Лоллий: очень он смущен духом, да, надо как-то по-другому. Лукаша он не только не любит, а «просто ненавижу!».

Очень он в здешних разочаровался. Я тебе расскажу его сегодняшнюю исповедь.

Днем до обеда приходила Лисевна, которой я сказал всё свое неверие; как это можно так...? и т.д.

Передал с ней тебе, деточка, желтые ботинки.

А утро было остервенелое: дураки эти вчерашние, клялись и божились, что посылка так сделана, а оказалось не так, пришлось переделывать (горе мое, не умею припечатывать).

А тут дождь еще.

Посылку послал, успокоился, Лисевна пришла. Но я нисколько не жалею, что послал. Завтра опять дураки придут, и я со Смирновым переговорю о Möller'e, чтобы он при мне письмо написал.

Да, поссорились они:

сцена была изумительная — Зарецкий назвал Смирнова «мышинный жеребчик».

Смирнов обиделся.

Деточка, сегодня фуфайку с утра надел, а сейчас сижу в платке.

Покупал сегодня хлеб белый небольшой — 10.000 M<арок>.

Ах, лапусик дорогой мой, детяточек, какой ты неосторожный
(Да, получил от Ган (из Мюнхена) книжку, которую для перевода
посылал. Это вечером).

Просит тебе кланяться.

Frau Karos: подарила мне пепельницу: «чтобы на моем столе
стояла»

от Frau Karos!

Хорошо?

Ну вот, лапусичка, обязательно извести, когда приедешь. Можно
ли на вокзал пройти и вещи перевез<ти> на автом<обиле>, теперь
«коэф<фициент>» что-то 40.000 <марок>.

Не знаю, долго ли такое будет продолжаться: «Картофелью нету!»

Это почище хлеба будет для здешних.

Алексей Ремизов.

Я думаю, со 15 августа везде будет тесно и людно. Вот Ар<иадна>
Вл<адимировна> с Вильям<сом> приедут в сентябре.

28 июля 1923

Твое письмо от 26, где ты пишешь, что во вторник приедешь.
Напиши, может, ванну сделать, или очень устанешь, лучше в среду?
Сегодня америка<нский доллар> — 952.000 <марок>! В воскресенье
почту не вынимают, кажется. Ну, ничего.

Berlin 1923

28 июля

Sonnabend

№ 5

Не знаю, как лучше поступить: ехать ли мне на вокзал и одну
Fr<au> Kar<os> послать, а мне дежурить дома и всё приготовить, что-
бы тебе сразу и чаю выпить.

Нам было письмо от Элиасберга (просит о переводе: попросить
Горького).

Ну, сегодня опять тепло, слава Богу.

Был Лоллий, Зарецкий и Станюкович с невестой.

А Смирнов уехал; я ему написал сейчас открытку.

Н.В. <Зарецкий> пошлет письмо сегодня же в *Suderode*,

это в Anhalter'e,

у него там знакомые.

Не знаю, как всё обернется.

Дела здешние. Очень уж хвостов много и очень ссорятся; люди
осердились.

Сегодня какой крик был против нашего дома: портье с хозяином.
Американск<ий> <доллар> вечером в амери<?> уж миллион!

Хочу сейчас опустить письмо, боюсь, завтра не вынут, и пролежит весь день.

Звонил Шестов. Приглашает к доктору <Эйтингону> посидеть.

Решил все-таки утром: если утром не пойдет, то всё равно и сейчас, если бы опустить, тоже негоже.

С Шестовым говорил о Париже.

Разъясню, в чем дело. На словах.

Это всё обожравшиеся богачи, для которых надо, чтобы человек умирал с голоду, тогда для успокоения души они дадут денег ровно столько, сколько надо, чтобы не помереть.

Это меня очень всё
забеспокоило.

И если бы воля, просто расплеваться б с ними со всеми,
и с «Окном» в частности.

Один я не поеду.

А.Р.

Даже если бы, ну почему-либо
было надо, всё равно.

Это то же самое — Шестов это понимает —
как вот ему долбили (не словами),
чтобы дети служили.

Berlin 1923

29 июля 1923

№ 6

Тебе, деточка, письмо от Оли и Наташи.

Мне от Розенберга и гонорар:

250.000 <марок> за «Жизнь несмертел<ьную>»

30.000 <марок> за «Голодную песню»

280.000 <марок>.

«Сполохи» еще раз тот же самый №

и «Prager Presse» с «Пупочком».

Вот и всё. Утром бегал на почту — дожди-ик! — в калошах.

Очень много думал о вчерашнем разговоре с Л<ьвом>
Ис<ааковичем> <Шестовым> о парижских благотворителях.

Приходил Лоллий и Нина Григор<ьевна>. Я очень сердито
разговаривал.

В 9-ь позвонил Шестов. Скучно одному с доктором. Прошел на
немного. И опять с Шестовым продолжал разговор. Как быть, чтобы не
быть в зависимости от Парижа.

Ответ один.

Но его не произносит Шестов.

Р о с с и я.

Деточка, всё тебе на словах расскажу. Не могу никак успокоиться, так меня это ударило.

Проводили меня до дому и Шестов, и доктор.

Спрашивал я <о> Föhr'e: очень хвалит.

Здесь всё спокойно.

Что было в Потсдаме, неизвестно.

И чем начнется завтрашний день, трудно сказать, но дальше так не может продолжаться.

А.Р.

По телефону не звонили.

Завтра должен Шрейдер говорить с чехом о издании.

Berlin 1923

30 июля

№ 7

Письмо от Познера, открытка от Слонима, из Софии «Хиперион».

Твое письмо и открытки.

Сегодня удивительный пасмурный день — любимый.

Всё тихо. Только очень бедно.

Из окна видно эту бедноту.

И в лавках опустело.

Сделал все распоряжения Frau Karos о вторнике.

Сидел спозаранку Шрейдер и Нина Григорьев<на>.

Лоллий был у Аксенова, и тот ему прописал крэзот — плохо это дело.

Очень длинные разговоры:

писать письмо к отцу или не писать.

Когда шел покупать табак — проходил мимо великих хвостов.

Товару нет!

Сегодня мне все надоели —

п<отому> ч<то> все не вовремя.

О ценах расскажу.

Трам<вай> уже будет — 8.000 <марок>; 50.000 <марок> хлеб.

Ах, лапусик дорогой мой,

деточка, как-то всё должно кончиться.

Вечером доктор позвонил.

И я ел котлеты — хорошие! Опять провожали меня до дому...

Достал книгу: "Himmelsstrassen".

Писем больше не было.

А.Р.

Berlin 1923

31 июля

№ 8

Тебе письмо от Л<идии> Ю<дифовны> <Бердяевой>.

Мне из «Хипериона» (Болгария)

3 экз<емпляра> «В поле блакитном» — вот и всё.

Сейчас буду письма писать —

сегодня последний день дешевого тарифа.

Был Алексеев Глеб — книжки принес, потом

Бахрах — книжку тебе о вышивках.

<Вклеены платежные квитанции на имя Ремизовой-Довгелло, а также финансовые расчеты рукой Ремизова.>

11 августа 1923

Поздравляю, деточка.

По бедности моей и робости только это могу тебе поднести.

А.Р.

Berlin 1923

7 сентября

½ 3-го

За брикеты отдал 10 мил<лионов> м<арок>. Хозяйка, у которой покупали, приходила в ч<ас>; я ей сказал, что жду. Она зайдет, и ей нужно отдать 10.815.000 <марок>.

Пришла посылка от Schultz'a: сливы белые и 12 шт<ук> яиц.

От Аничкова — книги, где «Лис препод<обный>».

Звонил Лундберг, позвонит попозже.

Звонил Соломон <Каплун> о рукописи и деньгах.

Звонил из конторы Гржебин о корректуре.

Мне надо идти, *а то я опоздаю везде.*

А.Р. (1/2 3-го).

Alexey Remizov

**“At the Evening Dawn”. A chapter from the manuscript;
Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1923**

Commentaries by *Elena Obatnina*

Editing by *Elena Obatnina* and *Anna Uriupina*

Abstract: The publication presents a chapter from the manuscript “At the Evening Dawn” (1943–1948) by A.M. Remizov, based on author’s letters to his wife, S.P. Remizova-Dovgello, for 1923. The epistolary discourse of the manuscript reflects the circumstances of the second year spent by the spouses in Berlin. Comments give additional biographical material from archival sources. The Appendix contains Remizov’s original letters.

Keywords: creative biography, epistolary genre, archival materials, emigration, Russian diaspora.

Information about the authors: Elena Obatnina, Dr Hab, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru

Anna Uryupina, PhD, curator of the State Museum of the History of Russian Literature named after V.I. Dahl (State Literary Museum), Moscow, Russia.

E-mail: urjupina_anja@mail.ru

Citation: Remizov Alexey. “At the Evening Dawn”. A chapter from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1923, comment. by E. Obatnina, ed. by E. Obatnina and A. Uryupina. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 36–91. (In Russ.) DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-36-91.